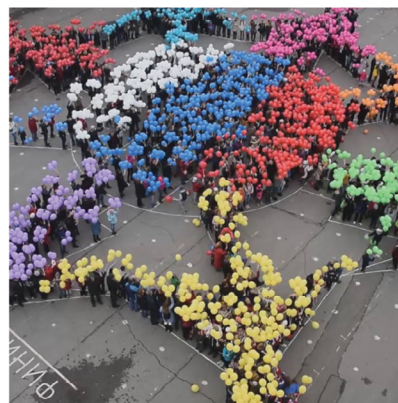
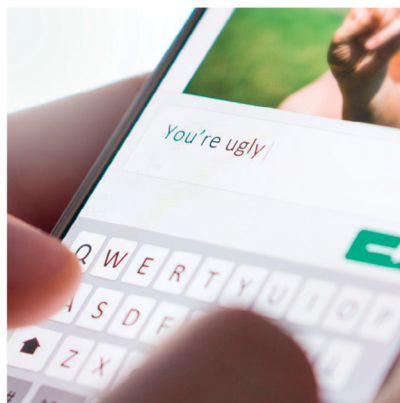

ОБЗОР.НЦПТИ

Выпуск № 4 (15)

Декабрь 2018

А.П. Горюнов

О необходимости учёта религиозного фактора при проведении адресной профилактической работы

А.И. Моисеева

О международном опыте преодоления буллинга

И.П. Добаев

Исламистский «шахидизм»

18+

Россия, г. Ростов-на-Дону
тел./факс: (863) 201-28-22
ncpti.rf

Обзор.НЦПТИ № 4 (15)
Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-52390 от 28.12.2012
ISSN 2411-0124.

Учредитель: федеральное государственное автономное научное учреждение «Научно-исследовательский институт «Специализированные вычислительные устройства защиты и автоматика» (ФГАНУ НИИ «Спецвузавтоматика» Минобрнауки России).
Издатель: Национальный центр информационного противодействия терроризму и экстремизму в образовательной среде и сети Интернет.
При поддержке: Минобрнауки России; Регионального общественного центра интернет-технологий (РОЦИТ); представительства в Ростовской области Фонда содействия инновациям.

Распространяется бесплатно.

Главный редактор:
Яровой Анатолий Владимирович.

Иллюстрации предоставлены авторами публикаций.

Редколлегия:
Быкадорова Александра Сергеевна, кандидат филологических наук;
Гуфан Константин Юрьевич, кандидат физико-математических наук;
Кожанова Екатерина Владимировна, ответственный секретарь;
Непейвода Кира Михайловна, кандидат филологических наук;
Селин Роман Николаевич, кандидат технических наук;
Сериков Антон Владимирович, кандидат социологических наук, доцент;
Хади Роман Ахмедович, кандидат технических наук, профессор АВН.

Тематические направления:
04.00.00 Социология;
11.00.00 Политика. Политические науки;
14.00.00 Народное образование. Педагогика;
19.00.00 Массовая коммуникация.
Журналистика. Средства массовой информации;
20.00.00 Информатика.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Адрес редакции: 344011, г. Ростов-на-Дону, ул. Города Волос, 6, тел.: (863) 201-28-22.
Адрес типографии: 344000, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, д. 1, ООО «ДГТУ-Принт», тел.: (863) 226-85-10, (928) 102-36-99.
Тираж: 150 экз.
Заказ № 24/12
Дата подписания в печать
По графику: 24.12.2018
Фактическая: 24.12.2018

От редактора

Яровой Анатолий Владимирович – главный редактор, заместитель директора Национального центра информационного противодействия терроризму и экстремизму в образовательной среде и сети Интернет по связям с общественностью

В газетной врезке «Цитата дня» прочитал рассуждения известного нашего актёра, режиссёра и эссеиста А.А. Ширвиндта о якобы негативной роли компьютера в процессе воспроизводства гениев и талантов в современной литературе и искусстве. В частности, Александр Анатольевич пишет, что «Лев Толстой на компьютере (если бы он существовал в то время) никогда не смог бы написать роман «Война и мир». Однако осмелюсь напомнить, что Лев Николаевич был ведь не только заложником чернил и пера, которое, как мы знаем, удачно трансформировалось из гусиного в металлическое учебное № 11 и далее в соответствии с цивилизационным процессом вплоть до пишущей машинки. А на досуге наш классик ещё и за сохой любил ходить, не подозревая о преимуществах культиватора и мотоблока. Когда же графу нездоровилось он врачевал инфлюэнцу, лихорадку и прочие хвори припарками, клизмами и полосканиями, не ведая о лекарствах и методах, за которые современные эскулапы получают нобелевские премии.

При том, что история не знает сослагательного наклонения, осмелюсь предположить: а может, имея под рукой комп, мно-

гие гениальные авторы, включая Бунина, Достоевского, Чехова, сэкономили бы какое-то время для творчества и лишнего свидания с посещающими их музами, и подарили бы миру так и не рождённые творения. А Лермонтов, Пушкин и другие поэты, ушедшие, к сожалению, преждевременно из-за несовершенства медицинского обслуживания, остались бы жить, чтобы осчастливить потомков светлым своим творчеством... Словом, как кто-то правильно заметил, прошлая жизнь подобна старому авто – умиляться можно, но ездить нельзя, отъездились...

И тем не менее, попытаюсь использовать своё лирическое отступление в качестве мостика к теме, которая частично оправдывает негативное отношение единомышленников Ширвиндта к компьютерной эпидемии, так изменившей нашу жизнь.

Хотя и трудно оспорить все плюсы, обретенные информационным обществом в сфере быстрого получения и доставки информации и свежих новостей, облегчения контактов, расширения возможностей досуга и совершения покупок, однако же немалая ложка дёгтя, характеризующаяся возникновением киберзависимости, потерей живого общения, угрозой террористи-

ческого воздействия и зомбирования психически неустойчивых личностей, позволяет критически оценивать ситуацию, складывающуюся под покровом всемирной паутины интернета.

В этой связи, мы предлагаем ознакомиться с тем, как наши сегодняшние авторы, в основном, выросшие в цифровую эпоху и ставшие магистрантами и молодыми специалистами во многом благодаря использованию интернета и возможностей компьютера, (бесспорно, величайшего достижения научно-технического прогресса) применяют свои знания в одолении такой негативной составляющей компьютерной стадии развития общества, как распространение идеологии терроризма и экстремизма в интернет-среде и особенно – среди школьной, студенческой и рабочей молодёжи.

Эта важнейшая и творческая, а совсем не рутинная работа требует уникальной профессиональной подготовки, аналитического подхода, умелого использования навыков пропагандистской, психологической,

политической, организаторской и педагогической работы и широких технических, культурно-просветительских и теологических познаний.

Авторы данного выпуска «Обзора.НЦПТИ», конечно, не могут претендовать на полное исследование проблемы и охват всех возможных причин возникновения терроризма и насильственного радикализма, а также выработку рекомендаций и задач в сфере молодёжной политики и IT-технологий. Однако их видение и попытки использования влияния всего мультимедийного пространства, социальных сетей в стимулировании определённых идей, ценностей и убеждений, укреплении межнационального согласия, принципов религиозной толерантности, взаимного уважения и искоренения пропаганды ненависти позволяет надеяться на повышение эффективности этой работы. В том числе на изменение подходов к необходимости борьбы с первопричиной терроризма, а не его следствием, на перенос акцентов с силовых методов борьбы на профилактические.

Распространение тиража журнала

Журнал – это площадка для обмена мнениями между экспертами, профессионалами и управленцами

В «ОБЗОР.НЦПТИ» РАЗМЕЩАЕТСЯ МОДУЛЬНАЯ РЕКЛАМА

Требования к модулям:

Рекламные модули принимаются в формате .tiff (не менее 300 dpi) или .cdr, CMYK

Рекламные тексты принимаются в формате .doc, .docx, табличные данные - в формате .xlsx

По вопросам публикации модульной рекламы обращайтесь в редакцию журнала:
тел.: (863) 201-28-22, e-mail: info@ncpti.ru

Содержание

8

ГОРЮНОВ АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ

О необходимости учёта религиозного фактора при проведении адресной профилактической работы

16

**ВАЛИТОВА ЕЛЕНА РАШИДОВНА
КОЖАНОВА ЕКАТЕРИНА ВЛАДИМИРОВНА**

Информационные платформы НЦПТИ как позитивные практики превентации радикальных идей в молодёжной среде посредством сети Интернет

24

**БРАЙКО ДАРЬЯ НИКОЛАЕВНА
ЧУНИН АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ**

Реализация образовательной программы регионального общественного движения «Интернет без угроз» как инструмент методического сопровождения деятельности кибердобровольцев

30

МОИСЕЕВА АНАСТАСИЯ ИГОРЕВНА

О международном опыте преодоления буллинга

38

ДОБАЕВ ИГОРЬ ПРОКОПЬЕВИЧ

Исламистский «шахидизм»

52

ЯРОШЕНКО МАКСИМ ПАВЛОВИЧ

Использование идеологии экстремизма как инструмента в ведении гибридной войны

59

ОЧЕРГОРЯЕВА ДЖИРГАЛ ВИКТОРОВНА

Межнациональные конфликты в ракурсе методологии межэтнической напряжённости

65

ХРОМОВ ВИТАЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ

Психологические аспекты противодействия экстремизму и терроризму

О необходимости учёта религиозного фактора при проведении адресной профилактической работы

Горюнов Александр Павлович – консультант отдела профилактики экстремизма и терроризма департамента региональной безопасности Ярославской области, сотрудник аппарата антитеррористической комиссии в Ярославской области, преподаватель кафедры физической культуры и безопасности жизнедеятельности ГАУ ДПО Ярославской области «Институт развития образования»

Если попытаться кратко аргументировать необходимость учёта религиозного фактора при проведении адресной профилактической работы, то достаточно процитировать уже отменённую Доктрину информационной безопасности Российской Федерации. В ней одной из главных опасностей в сфере духовной жизни названа *«возможность нарушения общественной стабильности, нанесение вреда здоровью и жизни граждан вследствие деятельности религиозных объединений, проповедующих религиозный фундаментализм, а также тоталитарных религиозных сект»*.

В утверждённой Указом Президента России от 05.12.2016 № 646 Доктрине информационной безопасности Российской Федерации также указывается на широкое использование террористическими и экстремистскими организациями информационного воздействия на индивидуальное, групповое и

общественное сознание в целях нагнетания межнациональной и социальной напряжённости, разжигания этнической и религиозной ненависти либо вражды, пропаганды экстремистской идеологии, а также привлечения к террористической деятельности новых сторонников [1]. Не отстают от террористов и спецслужбы иностранных государств, используя для подрыва суверенитета и нарушения территориальной целостности других государств, в том числе, и религиозные организации [2].

В качестве второго аргумента целесообразно привести цитату из Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 07.12.2017 № 2793-О [3], в котором сказано, что *«...в современных условиях осуществление террористической и экстремистской деятельности, прежде всего вербовка новых членов террористических и экстремистских организаций, нередко камуф-*

лируется под миссионерскую деятельность».

Как показывает практика, на современном этапе специалисты, занимающиеся профилактикой распространения идеологии терроризма среди студентов и молодёжи, не в должной мере представляют степень влияния религиозного фактора на менталитет человека и, как следствие, на мотивацию его поступков.

На прошедшем в марте текущего года заседании Совета по вопросам религиозных объединений при мэрии города Ярославля представитель одного из высших учебных заведений с сожалением отметил, что у современных студентов очень сильно развито религиозное мировосприятие, а это, по его мнению, затрудняет использование профессорско-преподавательским составом доводов, которые имели эффект ещё 10 и даже 5 лет назад.

В рамках деятельности межведомственной рабочей группы по профилактике терроризма и экстремизма при анти-террористической комиссии Ярославской области, в состав которой, в том числе, входят представители организаций высшего профессионального образования и специалисты в сфере реализации молодёжной политики, нередко приходится слышать устоявшийся тезис «церковь отделена от государства», а значит религиозный аспект в работе со студенчеством и молодёжью как бы не

обязательный, следовательно, профилактику распространения идеологии терроризма необходимо осуществлять через укрепление межнационального согласия, патриотическое воспитание и пропаганду общечеловеческих ценностей.

Это, безусловно, очень важные направления работы, но не всегда достаточные.

Используемый против России исламский фактор отнюдь не является современным изобретением. Макс фон Оппенгейм, длительное время занимавший пост атташе немецкого генерального консульства в Каире, являлся ведущим разработчиком плана использования лозунга «священной войны» против Великобритании, Франции и России.

«В октябре 1914 года Оппенгейм составил «Записку о революционизации исламских областей наших врагов». В ней он предлагал разжечь пламя джихада во всех частях огромного мусульманского мира: от Индии, через Афганистан и Персию, российскую Среднюю Азию и Кавказ до французской Северной Африки» [4]

Уже в ноябре 1914 г. Хейри-эфенди, глава мусульманского духовенства Османской империи, провозгласил фетвы с призывом к священной войне против стран Антанты, а турецкий султан Мехмед V Решад торжественно провозгласил джихад в интересах Германской империи и Австро-Венгрии.

Во Второй мировой войне военно-политическое руководство Германии использовало религиозный фактор для раскола населения на оккупированных территориях СССР. Циркуляром Главного управления имперской безопасности о религиозной политике на Востоке от 01.09.1941 «О понимании церковных вопросов в занятых областях Советского Союза», определены следующие основные направления работы оккупационных властей [5]:

- поддержать религиозные движения как враждебные большевизму;
- дробить их на мелкие течения во избежание консолидации для борьбы с Германией;
- не допускать контактов лидеров разных конфессий;
- использовать религиозные организации для помощи немецкой администрации.

В ответ на использование Германией исламского фактора против СССР, 15-17 мая 1942 года в Уфе прошёл съезд мусульманского духовенства со всего Советского Союза. По его итогам было принято «Обращение представителей мусульманского духовенства к верующим по поводу немецко-фашистской агрессии», в котором дано религиозное обоснование борьбы советских мусульман против нацизма: *«Немецко-фашистские захватчики, не объявляя войны, вероломно напали на Советский Союз, освободивший угнетённые нации, давший равноправие всем народам Союза, поднявший*

высоко науку и культуру страны, всегда проводивший самую миролюбивую политику. Великий Аллах в Коране говорит: «Сражайтесь с теми, которые сражаются с вами, но не будьте зачинщиками, ибо Бог не любит несправедливых» (Сура «аль-Бакара», Аят 186). «Истребляйте их, где ни застигнете; изгоняйте их, откуда они вас изгнали; мятежи и искушение губительнее убийства» (Сура «аль-Бакара», Аят 187). Пророк Мухаммад (мир ему и благословение Аллаха) говорит: «Любовь к Родине и защита её есть долг религии. Помощь воину, идущему на фронт, вооружением равносильна участию в сражении. Даже мирный труд мужчин и женщин, занявших должность ушедших на фронт воинов, равносильны участию в бою».

Современная история России и независимых государств, образованных после распада СССР, неразрывно связана с попытками использования религиозного фактора для дестабилизации обстановки в обществе и необходимостью ведения межрелигиозного диалога для обеспечения безопасности как простых граждан, так и целостности нашего Отечества.

Вспомним 1993 год. Духовные лидеры Азербайджана Шейх-уль-ислам Аллахшукюр Пашазаде и Армении патриарх-католикос Вазген I в совместном коммюнике выступили против попыток придания карабахскому конфликту религиозной составляющей: *«Обсудив проблемы,*

угрожающие нашим народам и нам, мы сочли необходимым в первую очередь подчеркнуть, что, несмотря на некоторые попытки охарактеризовать конфликт, в результате которого льётся невинная кровь, как христианско-мусульманское столкновение, этот конфликт не является религиозным. Армянские христиане и азербайджанские мусульмане жили и будут жить в мире, уважении и добрососедских отношениях» [6].

Муфтий Чечни Мухаммад-Хусейн Алсабеков, от которого в 1994 году Джохар Дудаев потребовал объявить джихад России, и патриарх Алексей II в совместном заявлении указали на отсутствие в разразившемся кризисе каких-либо межрелигиозных предпосылок: *«Мы самым решительным образом отвергаем самую мысль о возможности перерастания конфликта вокруг Чечни в христианско-мусульманское противостояние. Истинные последователи двух религий желают только мира. Использование святых для христиан и мусульман символов и понятий в целях разжигания вражды и провоцирования межрелигиозных столкновений есть грех и беззаконие перед лицом Всевышнего» [7].*

Несмотря на миротворческую деятельность духовных лидеров, противникам России удалось привлечь к разжиганию и участию в конфликте, зародившемся под лозунгами борьбы за независимость чеченского народа, многонациональный

состав наёмников, приехавших в Чечню для «защиты мусульман» и построения независимого «шариатского государства».

Череда событий «арабской весны» и сорванная Россией попытка построения иблисского государства «ИГИЛ» [8] убедительно свидетельствуют об огромном потенциале использования религиозного фактора для дестабилизации обстановки внутри страны, свержения действующей власти и распространения террора на огромных территориях.

В совокупности с определением веры (иман) в исламе и классификацией единобожия, международные террористические организации исламистского толка привлекают на свою сторону представителей различных национальностей, используя теологическую концепцию «шариатского государства», объединённую с понятием «халифат», пропагандируя, что жизнь вне шариатского государства является «ширком и безбожием или выходом из ислама» [9].

В отличие от суннитских, шиитские террористические организации обоснование терроризма строят на интерпретации концепции махдизма, согласно которой необходимо сформировать специальную разрушительную среду насилия, необходимую для возвращения Имама Махди, «так как он вернётся только тогда, когда всё будет очень плохо и не останется никакой другой надежды» [10].

Анализ информации, поступающей в аппарат антитеррористической комиссии в Ярославской области, показывает, что распространению идеологии терроризма в студенческой среде способствуют именно теологические аргументы о необходимости построения «шариатского государства», в том числе:

– высказывание со стороны отдельных авторитетных студентов, прибывших из стран СНГ центрально-азиатского региона, симпатий к деятельности международных террористических организаций (МТО) как защитников ислама;

– героизация соотечественников, вступивших в ряды МТО для вооружённой защиты идей халифата и построения шариатского государства, обсуждение возможности последовать их примеру;

– распространение информации о войне России против мусульман, в ходе которой убивают, в том числе с использованием химического оружия, мирных жителей в Сирии.

Наибольшую активность в такой пропаганде проявляют молодые люди, прибывающие из стран Центральной Азии для обучения в ярославских вузах, преобладающее большинство их составляют граждане Таджикистана.

Говоря о вопросах противодействия идеологии терроризма в студенческой среде, следует обратить внимание на трудовых мигрантов из стран СНГ центральноазиатского региона, прежде всего из Таджикистана. По данным

Генеральной прокуратуры Республики Таджикистан, 85% граждан этой страны, воюющих на стороне МТО ИГИЛ, «являются трудовыми мигрантами и попали в поле зрения вербовщиков ИГИЛ, находясь в Российской Федерации», при этом «граждане стран Центральной Азии и России составляют третью по численности группу иностранных боевиков в ИГИЛ после выходцев из Западной Европы и Ближнего Востока» [11].

Помимо террористической идеологии, основанной на исламских религиозных течениях, не стоит забывать о роли позиционирующих себя как протестанты сект христианского толка в государственном перевороте в Украине и последовавшего за ним террора: *«В Киеве на Майдане до 80% сержантского и офицерского состава (организаторов) были членами протестантских церквей Украины, а также группа молодых «харизматов» из России. Все они прошли специальную подготовку в закрытых лагерях на территории Польши и Украины»* [12].

Давая оценку событиям, произошедшим в Украине в 2014 году, руководитель Центра по изучению проблем религии и общества Института Европы РАН Р.Н. Лункин допустил возможность трактовать заявление начальствующего епископа Российского объединённого Союза христиан веры евангельской (пятидесятников) С.В. Ряховского в связи с ситуацией в Украине и трагедией в Одессе (6 мая 2014 года) как «признание

того, что Россия является оккупантом по отношению к украинским землям» [13].

На этом фоне видится довольно сомнительным «благословение» единоверцев С.В. Ряховским скрывать принадлежность к данному религиозному течению, о чём он в марте 2016 года заявил в интервью «МК.RU»: *«Я благословил целый ряд наших прихожан, глубоко верующих, воцерковлённых людей, чтобы они, скажем так, не бравировали своей принадлежностью к евангельской церкви. Как правило, это люди, занимающие определённые позиции в структурах власти: как на региональном, так и на федеральном уровне. Чиновники, депутаты, политики. Не стану скрывать, что прихожане нашей конфессии работают сегодня во всех ветвях власти»* [14].

Остаётся непонятным, почему руководитель централизованной религиозной организации, утверждая, что *«нет примеров в истории России, чтобы протестанты стояли во главе переворота»*, говоря о неприемлемости революций в любом виде, призывает своих единоверцев переходить на нелегальное положение. Может быть потому, что «духовные корни» современного российского пятидесятничества, в том числе, лежат в учениях еретических течений, деятельность которых в различные периоды времени была направлена, в лучшем случае на противопоставление действующей власти, а зачастую на развал российского государства, в сегод-

няшнем понимании данного процесса.

Вот как об этом пишет в статье «Обретение себя. Пути формирования новой идентичности» руководитель отдела богословия РОСХВЕ, пастор Михаил Дубровский: *«Мы видим себя в движении стригальников, нестяжателей, новгородско-московских реформаторов, духоборов и молокан. И даже раньше – когда христианская вера распространялась по территории Киевской Руси, ещё не будучи «освящённой» благословением государственной власти. Одним словом, мы чувствуем свое родство всем, для кого вера была личным выбором, а не выражением лояльности кесарю»* [15].

Основываясь на информации из открытых источников и поступающих в антитеррористическую комиссию в Ярославской области материалах из правоохранительных органов, можно сделать обоснованный вывод, что террористические организации и правительства ряда иностранных государств для достижения политических целей продолжают активно использовать религиозную составляющую с целью дестабилизации обстановки в России и в других странах. С учётом складывающихся тенденций по усилению религиозности населения России и стран СНГ, при проведении профилактической работы, направленной на противодействие распространению идеологии терроризма, будет возрастать актуальность исследования религиозного фактора в политическом поле.

При проведении профилактических мероприятий среди верующих студентов и молодёжи, для предупреждения манипулирования религиозной идентичностью необходимо основные усилия сосредоточить на следующих направлениях:

– обличение несоответствия «религиозного имиджа» руководителя террористической организации канонам исповедуемого им традиционного религиозного течения;

– выявление истинных политических целей и путей их достижения, замаскированных теологическим обоснованием.

Вместе с тем, осуществляя профилактическую работу среди верующих через укрепление межнационального согласия, патриотическое воспитание и пропаганду общечеловеческих ценностей, следует учитывать, что, по мнению учёных, современные террористические проявления являются последствиями происходящих процессов глобализации.

Например, доктор исторических наук Дмитрий Анатольевич Нечитайло в диссертационном исследовании «Современный радикальный исламизм. Стратегия и тактика» пишет: *«В последние десятилетия в различных регионах мира возникают консервативные религиозно-политические движения разной идеологической направленности как ответ на глобализацию и её негативные последствия...»*

Трансляция западных ценностей и образа жизни, как след-

ствие глобализации, провоцирует возникновение защитных движений как инструмента сохранения традиционного общества от негативных последствий глобализации.

С особой остротой такое отторжение проявляется в арабском мире, принимая различные экстремистские формы. Современный феномен исламизма невозможно понять без учёта авторитарного навязывания неолиберальной глобализации всем странам мира.

Учитывая этот комплекс сложнейших факторов, радикальные исламисты предлагают способ разрешения многих личных и социальных проблем, стремятся вселить ощущение смысла, обещают «спасение» с авторитетными ссылками на исламские тексты, доводя информацию в нужном для себя ключе через социальные медиа и другие формы онлайн-пропаганды» [16].

Литература и ссылки:

1. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, п. 13 [Электронный ресурс] режим доступа <http://docs.cntd.ru/document/420384668>

2. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, п. 12 [Электронный ресурс] режим доступа <http://docs.cntd.ru/document/420384668>

3. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы религиозной организации «Религиозная христианская организация «Армия спасения» в городе Владивостоке» на нарушение конституционных прав и свобод

пунктом 3 статьи 17 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» и частью 3 статьи 5.26 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. [Электронный ресурс] режим доступа <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision305725.pdf>

4. Шерстюков С.А. «Арабский вопрос» во внешней политике Третьего рейха. Монография/ под науч. ред. О. Ю. Курныкина. - Барнаул: Издательство Алтайского университета, 2014, стр. 23

5. Васильева О.Ю. «Свои или чужие: к вопросу о религиозной жизни на временно оккупированной территории» [Электронный ресурс] режим доступа <http://www.pravoslavie.ru/5209.html>

7. Силантьев Р.А. Исламо-христианский диалог в новейший период. Вопросы философии, № 9, 2010. 0,5 п.л. [Электронный ресурс] режим доступа http://vphil.ru/index.php?id=199&option=com_content&task=view, http://pnu.edu.ru/media/filer_public/79/bd/79bd1f65-cbb9-46e8-a28a-17830432f4dc/silantiev_ichdialog_new.pdf

8. Фетва «О неотъемлемых признаках отличия истинного Ислама от заблуждений» [Электронный ресурс] режим доступа <http://cdum.ru/gallery/documents/fetva.php>

9. Шагавиев Д.А. Теологические концепции как фактор формирования личности религиозного радикала. Материалы Межрегиональной научно-практической конференции по профилактике экстремизма. 2017. Издательство: Издательство «Мир Печати» (Уфа), стр. 69.

10. Ахмедова К.Б. Религиозный фактор в политическом контексте

противодействия терроризму. Диссертация на соискание учёной степени кандидата политических наук, г. Ростов-на-Дону, 2014, стр. 63.

11. Угроза международного терроризма и религиозного экстремизма государствам – членам ОДКБ на центральноазиатском и афганском направлениях. М.: Аналитическая ассоциация ОДКБ; Институт международных исследований МГИМО МИД России, 2017, стр. 17.

12. Кривошеев С.А. Украинские сектанты на Майдане. [Электронный ресурс] режим доступа <http://www.proza.ru/2014/02/21/1558>

13. Лункин Р.Н. «Российские протестанты и Украина: испытание патриотизмом» [Электронный ресурс] режим доступа http://www.keston.org.uk/_russianreview/edition63/02-Lunkin-about-Russian-protestants-and-Ukrain.htm

14. Слово пастора. Сергей Ряховский: «Не стану скрывать, что прихожане нашей конфессии работают сегодня во всех ветвях власти». «МК.RU» [Электронный ресурс] режим доступа <http://www.mk.ru/politics/2016/03/17/slovo-pastora.html>

15. Дубровский М. «Обретение себя. Пути формирования новой идентичности» [Электронный ресурс] режим доступа https://www.academia.edu/13098537/Обретение_себя_пути_формирования_новой_идентичности

16. Нечитайло Н.А. Современный радикальный исламизм. Стратегия и тактика. Диссертация на соискание учёной степени доктора политических наук. Москва, 2017 [Электронный ресурс] режим доступа http://ivran.ru/sites/28/files/dissertaciya_Nechitajlo.pdf, с. 6-8.

Информационные платформы НЦПТИ как позитивные практики превентации радикальных идей в молодёжной среде посредством сети Интернет

Валитова Елена Рашидовна – аналитик Национального центра информационного противодействия терроризму и экстремизму в образовательной среде и сети Интернет

Кожанова Екатерина Владимировна – аналитик Национального центра информационного противодействия терроризму и экстремизму в образовательной среде и сети Интернет

Создание, поддержка и развитие интернет-ресурсов для размещения информационно-профилактических материалов, разъясняющих опасность экстремизма и терроризма, а также привлечение молодёжи к противодействию радикальным идеологиям при помощи современных средств интернет-коммуникации продолжает оставаться актуальной задачей обеспечения национальной безопасности страны.

Современные реалии показывают высокий уровень владения распространителей информационных угроз правилами медиасреды и использования потенциала интернета в своих деструктивных целях. Сегодня приобщение к радикальным воззрениям зачастую происходит посредством соци-

альных сетей, начинаясь с отвлечённых публикаций и обсуждений в сообществах, переходящих впоследствии, когда диалог минует грань законности, в приватный формат общения на платформы с большей зашифрованностью и меньшими возможностями для контроля. В этом заключается проблема запретительных мер информационного противодействия экстремизму в интернете, и поэтому особенно важно выработать альтернативу цензуре, заниматься профилактикой экстремизма, культивируя стойкое неприятие радикальной идеологии.

В рекомендациях Национального антитеррористического комитета [1] среди восьми ключевых направлений деятельности отдельно выделена «Организа-

ция деятельности по противодействию идеологии терроризма в сети Интернет (в том числе в социальных сетях и блогах)». В рамках этого направления необходимо уделять внимание изготовлению и размещению материалов антитеррористической направленности.

В качестве примеров информационных платформ в сети Интернет, являющихся позитивными практиками превентации радикальных идей в молодёжной среде, можно назвать ресурсы Национального центра информационного противодействия терроризму и экстремизму в образовательной среде и сети Интернет (НЦПТИ). Это сайт, публичные страницы в социальных сетях «ВКонтакте» и Instagram и «Интерактивная карта антитеррористической деятельности в образовательных организациях и научных учреждениях Российской Федерации».

Сайт НЦПТИ (НЦПТИ.РФ) представляет собой диалоговую площадку для взаимодействия экспертов из научной и педагогической среды, представителей молодёжных организаций и госструктур по противодействию экстремизму в сети Интернет и образовательной среде.

Интернет-ресурс был создан в 2013 году и зарегистрирован как средство массовой информации (сетевое издание), свидетельство о регистрации Эл № ФС77-53109 от 7.03.2013.

Сайт НЦПТИ выполняет следующие функции:

- просветительскую – предоставляет активным пользователям сети Интернет, в основном моло-

дёжи, наиболее полную и конкретную информацию о таких негативных общественных явлениях, как экстремизм и терроризм;

- презентативную – представляет пользователям информацию о государственных структурах, в том числе об НЦПТИ, которые занимаются профилактикой и противодействием радикализации сети Интернет и общества;

- информационно-аналитическую – предоставляет пользователям актуальную информацию об исследованиях и событиях, связанных с радикализацией и дерадикализацией общества в Российской Федерации и мире в целом;

- организационно-коммуникативную – предоставляет пользователям возможность принять непосредственное участие в борьбе за интернет без экстремизма посредством конкретных действий (использование сервиса «Сообщить о противоправном контенте»).

За время существования ресурса были опробованы несколько моделей развития и можно сказать, что сайт НЦПТИ эволюционировал из страницы для специалистов в информационно-просветительский сайт для широкой аудитории.

Переломным стал 2015 год, когда к информационной ленте сайта, формируемой из сообщений информационных агентств и обновляющейся ежедневно, были добавлены разделы «Аналитика», «Статьи», позднее – «Материалы для скачивания».

Анализ статистики сайта показывает в среднем более 7000 про-

смотров в месяц (данные за 2018 год). Основная аудитория сайта совпадает с целевой группой – это студенты и работающая молодёжь. По данным сервиса «Яндекс.Метрика» в 50,8% случаев возраст посетителей сайта от 18 до 34 лет, в 20,2% случаев – 35-44 года, 13,6% – 45 лет и старше, а 8,99% младше 18 лет.

Как и другие сайты просветительской и образовательной направленности, сайт НЦПТИ подвержен сезонным колебаниям посещаемости. Поэтому активность посетителей возрастает в первые месяцы учебного года (сентябрь-ноябрь), затем наблюдается небольшой спад интереса, и ещё один всплеск посещаемости приходится на начало весны (март-апрель).

В текущем году пик посещаемости пришёлся на июнь (более 13300 просмотров), что связано с проведением НЦПТИ в этом месяце на платформе сайта обучающего онлайн-курса в рамках образовательной программы общественного движения «Интернет без угроз». Именно такой формат работы для НЦПТИ на сегодняшний день представляется наиболее удобным и результативным.

Также на сайте НЦПТИ можно ознакомиться с архивом материалов, напечатанных в сборнике «Обзор. НЦПТИ», издаваемом специалистами центра. С 2018 года раздел обновляется 4 раза в год. Помимо этого, на сайте есть ссылки на страницу онлайн-фестиваля социальных видеороликов «Я против экстремизма» и регио-

нального общественного движения «Интернет без угроз», форма «Сообщить о противоправном контенте», с помощью которой пользователи могут анонимно отправить ссылки на противоправные материалы.

С осени 2015 года к уже имеющимся способам информирования сотрудники Центра добавили популярные в социальных сетях и среди молодёжи пользовательские форматы подачи информации: инфографику и обзоры повестки дня СМИ по теме сайта. Сегодня раздел «Материалы для скачивания» является наиболее востребованным, поэтому сейчас в вопросе наполнения сайта мы ориентированы на визуальные материалы.

В ноябре 2015 года сайт НЦПТИ.РФ стал лауреатом российской «Премии Рунета 2015» в номинации «Интернет без экстремизма», которая вручается интернет-проектам и организациям за выдающиеся заслуги в области информационных технологий и значительный вклад в развитие российского сегмента сети Интернет (рунета).

В конце 2016 года НЦПТИ совместно с министерством образования и науки Российской Федерации создали интернет-ресурс «Интерактивная карта анти-террористической деятельности в образовательных организациях и научных учреждениях Российской Федерации», доступный по адресу MAP.NCPTI.RU (далее – Интерактивная карта).

Это уникальный для рунета проект, аналогов которому в России на сегодняшний день нет. Он представляет собой

пополняемую базу данных, в которой содержится информация об антитеррористических мероприятиях, проходящих в образовательных организациях. Ресурс был организован с целью создания условий для привлечения педагогов, детей и молодёжи к вопросам профилактики распространения экстремизма и противодействию радикальным идеологиям. Название «Интерактивная карта» обусловлено тем, что на главной его странице размещена карта Российской Федерации с выделенными субъектами, при наведении на которые они подсвечиваются другим цветом, появляется модальное окно, в котором отображается количество мероприятий по выбранному региону и список ближайших мероприятий.

Ресурс позволяет узнавать о прошедших и предстоящих мероприятиях антитеррористической и антиэкстремистской направленности и уточнять запрос о конкретном субъекте РФ, типах мероприятий, целевой аудитории. Функционал организован таким образом, чтобы у организаторов мероприятий была возможность выложить максимум информации, что позволит целевой аудитории составить полное представление о событии. Интерактивная карта является практически ежедневно пополняемой базой, площадкой для обмена опытом, разработками, идеями между педагогами, специалистами по воспитательной работе.

Изначально в Интерактивной карте были размещены антитеррористические мероприятия,

проходящие или проходившие в Российской Федерации с 2011 по 2017 годы включительно. Однако, она не стала «законсервированным» ресурсом, её продолжали развивать. За 2018 год количество мероприятий, освещённых в ней, увеличилось во много раз. В настоящее время карта постоянно пополняется, добавляются новые мероприятия, информация по уже прошедшим дополняется фотографиями, отчётами, ссылками.

По каждому мероприятию в Интерактивной карте обязательно указана следующая информация: наименование, дата и время проведения, адрес, организатор, количество участников, целевая аудитория, тип мероприятия, масштаб мероприятия, статус мероприятия, условия участия, контактное лицо, программа мероприятия или темы, которые обсуждались на мероприятии (повестка мероприятия).

В Интерактивной карте представлены практически все регионы Российской Федерации. Среди федеральных округов лидируют Центральный федеральный округ (22,5% размещённых мероприятий от общего количества на ресурсе), Южный (17,5%) и Приволжский (12%) федеральные округа. В среднем на каждый регион приходится от 5 до 15 размещённых мероприятий. Всего на 1 сентября 2018 года в Интерактивной карте содержится 1239 мероприятий.

Группа НЦПТИ в социальной сети «ВКонтакте», функционирующая с 2016 года и изначально созданная для увеличения трафика сайта НЦПТИ из социаль-

ной сети, постепенно переросла в самостоятельный информационный проект. Основной целью публичной страницы НЦПТИ в социальной сети «ВКонтакте» (vk.com/ncpti_rnd) является сплочение российских интернет-пользователей против террора и интернет-угроз, а также предоставление им возможности:

- узнать новости и полезную информацию по информационному противодействию терроризму и экстремизму;

- ознакомиться с советами по обеспечению кибербезопасности и защите от манипуляций в интернет-среде;

- ознакомиться с рекомендациями по обеспечению безопасности детей в информационном пространстве;

- получить профилактические материалы по обозначенным темам (методички, инфографику, видеоматериалы), которые при необходимости можно изучить или распространить;

- сообщить о противоправном контенте, с которым каждый из пользователей может столкнуться на просторах интернета;

- принять участие в онлайн-акциях по поиску и удалению противоправного контента, проявив свою активную гражданскую позицию.

На ресурсе публикуются материалы, направленные на разъяснение аудитории опасности вовлечения в деструктивные группы. Отдельный ряд публикаций направлен на разрушение представления о героизме и роман-

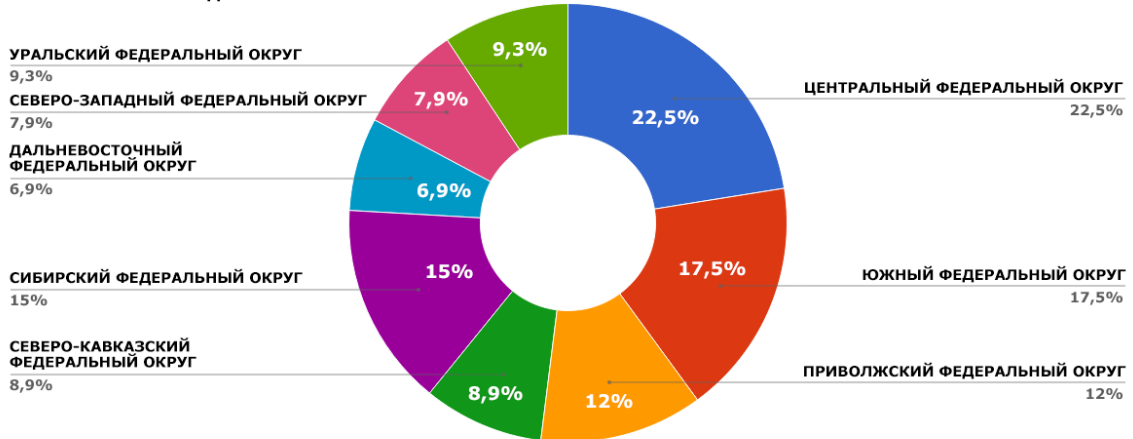
тическом образе воюющих в террористических организациях. Публикуются мнения экспертов о тактических схемах, позволяющих экстремистам эффективно рекрутировать в свои ряды новых добровольцев.

Освещается статистика уголовных дел, возбуждаемых относительно граждан России, причастных к деятельности запрещённых экстремистских группировок, подчёркивается неминуемость серьёзной ответственности за подобные нарушения закона.

Через платформу распространяются профилактические материалы различных организаций, пользующиеся особой популярностью у аудитории. Памятки и инфографика о том, как распознать вербовщика террористической организации, выявить или пожаловаться на противоправный контент в сети Интернет набирают тысячи просмотров пользователей социальной сети.

Посредством группы НЦПТИ осуществляется опровержение слухов и фейковых новостей, распространение которых стало одним из новых механизмов работы террористов на постсоветском пространстве [2]. Так, осенью 2016 года в социальных сетях и мессенджерах получила активное распространение новость о том, что запрещённая террористическая группировка ИГИЛ готовит серию терактов в крупных городах России [3]. Гражданам рекомендовалось воздерживаться от походов в места массового скоп-

МЕРОПРИЯТИЯ ПО ФЕДЕРАЛЬНЫМ ОКРУГАМ

ления, поскольку их может атаковать один из 18 застреленных ИГИЛ террористов-смертников. Национальным антитеррористическим комитетом была опровергнута эта информация. НЦПТИ взял функцию по распространению данного официального заявления, призывая пользователей сети критически относиться к подобного рода сообщениям и не поддаваться намеренно создаваемой панике.

Также на платформе рассказывается о работе российских военных, погибших при силовой ликвидации терроризма, публикуются материалы патриотической направленности.

Контент сообщества НЦПТИ разнообразен и предназначен для широкой аудитории. Особое внимание уделяется молодёжному сообществу. Для такой категории на ресурсе собран массив визуальных материалов, социальных видеороликов и видеолекций.

Для удобной навигации в материалах страницы сформирован

путеводитель по всем освещаемым темам, им легко воспользоваться, выбрав определённую комбинацию хэштегов интересующей тематики (например, #нцпти_антитеррор, #нцпти_дети и др.).

На сегодняшний день численность сообщества НЦПТИ составляет более 1500 подписчиков, среднемесячный охват аудитории – около 6000 пользователей, наиболее популярные публикуемые материалы имеют 27000 просмотров. Наибольший процент посещаемости наблюдается среди следующих возрастных групп: 18-27 лет и 35-45 лет.

Помимо информационного наполнения группы в социальной сети «ВКонтакте» сотрудники НЦПТИ организуют интерактивные мероприятия, направленные на борьбу за чистоту и безопасность интернета.

Мероприятие в социальной сети «ВКонтакте» является

Мероприятия, представленные в Интерактивной карте, по федеральным округам РФ

разновидностью сетевого сообщества, через которое удобно осуществлять информирование подписчиков о каком-либо планируемом событии, то есть непосредственно о самом мероприятии. Первое крупное мероприятие, состоящее из двух следующих друг за другом акций, было осуществлено в 2016 году и нацелено на поиск и последующую блокировку противоправных материалов, пропагандирующих терроризм и экстремизм в социальной сети «ВКонтакте».

Суть акции заключалась в том, что участникам было необходимо при обнаружении противоправного контента написать о найденном материале в сообщении группы (функционал «ВКонтакте», находящийся под аватаром сообщества). До этого в личные сообщения участникам акции были разосланы чёткие инструкции с пояснением, что относится к противоправному контенту, каким образом осуществлять поиск, была дана ссылка на список Министерства юстиции РФ с запрещёнными материалами. В течение двух недель участники присылали найденный противоправный контент. Все присланные материалы после проверки были направлены в соответствующие структуры для блокировки, о чём было сообщено в информационных записях об акции.

Здесь важно отметить, что при проведении такого рода мероприятий крайне важно осуществлять проверку выявленных кибер-

волонтёрами ссылок для дальнейшей передачи в правоохранительные органы. Такой контроль в приводимых примерах осуществляется специалистами НЦПТИ. За время проведения первой акции добровольцы прислали 750 ссылок на противоправный контент.

Следующая акция была ориентирована на содействие непосредственному удалению противоправных материалов. Инструкция заключалась в том, что участникам давалось несколько ссылок на противоправный контент (ссылки были заранее выявлены сотрудниками НЦПТИ), и людям со своих личных учётных записей было необходимо пожаловаться на них, воспользовавшись функционалом «Пожаловаться» и выбрать категорию «Насилие/ экстремизм». В рассматриваемом случае это были видеозаписи и фото, популяризирующие деятельность запрещённых в РФ террористических группировок.

Далее участникам было необходимо связаться с администрацией «ВКонтакте» напрямую и описать жалобу подробно. В качестве отчёта о проделанной работе требовалось прислать в сообщения группы НЦПТИ скриншоты диалога с администратором и его положительным ответом на запрос. По результатам жалоб и непосредственного диалога с администрацией «ВКонтакте» было заблокировано 40 % ссылок на противоправный контент.

Всего с 2016 года по настоящее время было проведено 9 онлайн-акций, сосредоточенных на выявлении противоправного контента

разного характера. По результатам проведённых мероприятий можно сделать вывод, что такой вид коммуникации интересен пользователям социальной сети и, как способ кооперации сотрудников НЦПТИ и активных граждан, пользующихся «ВКонтакте», позитивно сказывается на статистике выявленных противоправных материалов в сети. Однако в последнее время наблюдается спад инициативы среди онлайн-добровольцев. На наш взгляд, это связано с ростом резонансных уголовных дел об экстремизме в социальных сетях.

Необходимость постоянного развития интернет-ресурсов, посредством которых возможен открытый диалог в привычной для молодых людей форме, подтолкнула НЦПТИ на создание в 2017 году собственного профиля в социальной сети Instagram (ncpti). Данный ресурс является не только одним из популярных среди молодёжи, но и предоставляет удобные возможности для трансляции контента в виде изображений с текстом, ёмких видео и форматов взаимодействия с аудиторией в виде прямых эфиров.

Профиль в Instagram был использован НЦПТИ для рекламной кампании при проведении всероссийского онлайн-фестиваля социальных видеороликов «Я против экстремизма» в 2017 году, для освещения деятельности регионального общественного движения «Интернет без угроз».

Необходимо отметить, что эффективное интернет-присутствие предполагает работу по созданию собственного контента, регулярность обновлений и интерактивное общение с теми, кто критикует работу органов исполнительной власти и правоохранительных органов по профилактике радикализации. Использование в работе на постоянной основе популярных социальных платформ с убедительным мультимедийным наполнением, содержащим позитивный контент и контраргументы радикальной идеологии, позволяет сформировать иммунитет к информационным угрозам.

Литература и ссылки:

1. Организация в субъектах Российской Федерации деятельности по противодействию идеологии терроризма. Методические рекомендации/ Под общей редакцией А.И. Ковалёва. М., 2018. 50 с.

2. Звягельская И.Д., Казанцев А.А., Нессар О., Панарин И.Н., Салиев А., Холикназар Х., Гусев Л.Ю., Чурилов С.А. Угроза международного терроризма и религиозного экстремизма государствам – членам ОДКБ на центрально-азиатском и афганском направлениях. / под. ред. И.Н. Панарина, А.А. Казанцева. – М.: Аналитическая ассоциация ОДКБ; Институт международных исследований МГИМО МИД России, 2017. – с. 32.

3. Возможны теракты. Предупредите близких! [Электронный ресурс] URL:<https://lenta.ru/articles/2016/10/19/fakebook/> (дата обращения 04.09.2018).

Реализация образовательной программы регионального общественного движения «Интернет без угроз» как инструмент методического сопровождения деятельности кибердобровольцев

Брайко Дарья Николаевна – аналитик Национального центра информационного противодействия терроризму и экстремизму в образовательной среде и сети Интернет

Чунин Александр Сергеевич – аналитик Национального центра информационного противодействия терроризму и экстремизму в образовательной среде и сети Интернет

В 2016 году Национальный антитеррористический комитет рекомендовал активно развивать движение кибердружников – борцов за чистоту интернет-контента в субъектах Российской Федерации. По данным «Лиги безопасного интернета», общее количество кибердружников на сентябрь 2017 года составляло более 50 тысяч человек, при этом во многих регионах создавались собственные движения, направленные на борьбу с противоправным контентом.

Сегодня деятельность волонтерских сетевых сообществ,

патрулирующих киберпространство и выявляющих противоправные сообщества с производимым ими контентом, становится особенно актуальной. Важно отметить необходимость четкой структурированности такой работы, наличия общей концепции для регионов и нацеленности на качественный результат.

По статистике, возраст волонтеров-кибердобровольцев колеблется от 14 до 40 лет. Чем моложе волонтер, тем активней его онлайн-деятельность в социальных сетях. Возрастной разброс и отсутствие единого

образовательного концепта в обучении киберволонтеров отражается на подходе каждого члена волонтерского движения к своей деятельности, на получаемом результате и, что немаловажно, на отношении к этим организациям пользователей интернета и гражданского общества.

Мониторинг медиа позволил установить перечень критических замечаний со стороны гражданского сообщества к движениям киберволонтеров:

- превращение участников движения в «молодцензоров» или «стукачей», что само по себе вызывает настороженность и неодобрение гражданского общества и интернет-среды;

- опасение, что это необоснованная растрата государственного бюджета, ведь деятельность такого рода движений часто

осуществляется за счёт финансирования органами исполнительной власти (прямого или через гранты);

- подобные организации выступают препятствием в развитии гражданского общества и нарушают право на свободу слова, закреплённое Конституцией Российской Федерации;

- сформировавшаяся информационная повестка дня ставит под вопрос профессиональность киберволонтеров, они не обладают компетенциями экспертов (лингвистов и психологов) и могут увидеть признаки экстремизма в тех материалах, где их по сути нет.

Большая часть перечисленных замечаний, время от времени появляющихся в прессе, связана с отсутствием унифицированных требований к подготовке киберволонтеров

Открытие третьего потока обучения участников движения «Интернет без угроз»

в субъектах Российской Федерации. Избежать возникновения социальной напряжённости и повысить уровень доверия к таким движениям поможет появление единого подхода к отбору и подготовке киберволонтеров. Повысить эффективность подобных движений и сделать их деятельность прозрачной для гражданского общества можно благодаря понятным механизмам.

Единство должно заключаться в используемой методологии поиска, обязательном координационном сопровождении деятельности со стороны органов исполнительной власти, а также в обязательном методическом сопровождении экспертами – обучении, консультировании, предварительной проверке найденных материалов.

Одной из успешных практик обучения может быть пример образовательной программы «Профилактика экстремизма и идеологии терроризма и других информационных угроз в молодежной среде посредством сети Интернет» регионального общественного движения «Интернет без угроз», реализованная НЦПТИ в 2017-2018 году на территории Ростовской области. Обучение прошли три потока участников, занятия в одном из потоков проходили с использованием дистанционных технологий в формате онлайн-курса.

Нормативно-правовой базой для деятельности движения послужили:

– Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (с изменениями и дополнениями от: 27 июля 2006 г., 8 ноября, 22, 30 декабря 2008 г., 27 июля, 28 декабря 2010 г., 3 мая, 8 ноября 2011 г., 23 июля, 2 ноября 2013 г., 5 мая, 4, 28 июня 2014 г.);

– Федеральный закон от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (с изменениями и дополнениями от: 27 июля 2006 г., 10 мая, 24 июля 2007 г., 29 апреля 2008 г., 25 декабря 2012 г., 2 июля 2013 г., 28 июня, 21 июля 2014 г.);

– Федеральный закон от 29.10.2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»;

– Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации;

– Комплексный план противодействия идеологии терроризма на 2013-2018 гг.;

– Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года и План мероприятий по её реализации.

Основанием для реализации данного проекта является существующий опыт организаций, деятельность которых направлена на мониторинг противоправного контента, пропагандирующего терроризм и экстремизм. Такой опыт был накоплен за 7 лет киберволонтерами: представителями кибердружин,

киберпатрулей, киберказачества, народных дружин и общественных объединений правоохранительной направленности.

Движение должно было решить следующие задачи:

- участие в создании/ распространении полезного контента в сети Интернет;

- оказание содействия правоохранительным органам в части, касающейся поиска противоправного контента в открытых источниках;

- участие в информационно-просветительской деятельности, направленной на профилактику распространения асоциальных явлений в молодёжной среде, в том числе в семинарах, тренингах по тематике.

При создании регионального общественного движения «Интернет без угроз» были изучены возможные недостатки и сложности, присущие данному виду деятельности общественных объединений:

- непонимание потребностей правоохранительных органов в объёмах и качестве передаваемой информации;

- отсутствие предварительной оценки специалистами результатов работы движения перед передачей информации в правоохранительные органы, что ведёт к увеличению непродуктивной работы сотрудников заинтересованных ведомств,

- отсутствие оперативной обратной связи от правоохранительных органов по результатам работы движения;

- отсутствие требований к знаниям участников общественных движений, измерения стрессоустойчивости их до вступления в такие движения, а также отсутствие у самих участников движения навыков контрманипулятивной и эффективной коммуникации.

При разработке учебного курса и концепции движения «Интернет без угроз» сотрудники НЦПТИ учли обозначенные критические замечания к деятельности подобного рода организаций и внесли коррективы в свои действия. Поэтому требования к подготовке киберволонтёров были заложены в Положение о движении.

Перечень обязанностей участника движения:

- знать основы законодательной базы, виды противоправного контента, актуальные нормативные акты в сфере противодействия экстремизму и терроризму;

- участвовать в мероприятиях, организуемых движением;

- отчитываться о своих действиях в рамках деятельности движения руководителю группы;

- быть тактичным, вежливым, внимательным в обращении с пользователями сети Интернет;

- постоянно повышать свой культурный и общеобразовательный уровень;

- добросовестно работать над порученными проектами;

- выполнять решения собраний, распоряжения Координационного совета, указания

работников правоохранительных органов при проведении совместных мероприятий;

– соблюдать действующие законодательные акты, положение о движении.

НЦПТИ была поставлена задача обучить добровольцев и передать им накопленный опыт в области поиска противоправного контента в виде унифицированных инструкций по поиску материалов, связанных с распространением идеологии терроризма и экстремизма, деструктивных явлений молодёжной среды (таких, как распространение наркотических средств, суицидальный контент), не затрагивающих политические настроения граждан. Подчеркнём, что всё описанное осуществляется исключительно в рамках действующего законодательства Российской Федерации.

Будущие участники движения «Интернет без угроз» заполняли анкеты. К обучению были допущены совершеннолетние соискатели с активной гражданской позицией (участвовали в волонёрских проектах ранее) и те, чья профессиональная деятельность связана с социологией, психологией, педагогической деятельностью.

Учебный план образовательного очно-заочного курса предполагал двухнедельное обучение и состоял из следующих блоков:

- основы информационной безопасности в сети Интернет;
- изучение правовых основ информационного противо-

действия противоправному контенту в законодательстве Российской Федерации;

– изучение специальных теоретических знаний и практических умений по обеспечению результативности мероприятий по созданию и распространению материалов, направленных на профилактику информационных угроз в сети Интернет;

– изучение методов безопасного поиска в открытых источниках информации в сети Интернет;

– изучение особенностей поиска информации на базе различных видов информационных ресурсов;

– изучение навыков эффективной коммуникации в сети Интернет;

– знакомство с видами, практикой создания и распространения позитивного контента;

– изучение методов проектной работы в команде и эффективной проектной деятельности в социальной сфере в сети Интернет и молодёжной среде.

Важно отметить, что проектные работы участников являются не просто элементом аттестационного итогового контроля. Это реально действующие проекты, которые воплощаются участниками движения после прохождения обучения, помимо выполнения волонёрской миссии в сети Интернет.

На протяжении всего времени НЦПТИ поддерживает связь со всеми участниками. Сотрудники центра не только ведут обучение, но и координируют

и сопровождают деятельность участников движения после выпуска.

Также участники движения привлекают к другим мероприятиям НЦПТИ в области выявления запрещённых материалов в сети. В период с февраля по сентябрь 2018 года было проведено пять онлайн-акций поиска противоправного контента. Общее количество ссылок, присланных добровольцами, составило более 500.

При проведении таких мероприятий крайне важно осуществлять проверку выявленных киберволонтёрами ссылок для дальнейшей передачи в правоохранительные органы. Такой контроль осуществляется со стороны сотрудников НЦПТИ.

Стоит отметить платформу expert.ncpti.org, разработанную центром как для координации работы движения в целом, так и для унифицированного сбора выявленного противоправного контента. На портале есть раздел «Противоправный контент», дающий возможность экспертам и правоохранительным органам ознакомиться с противоправными материалами, обнаруженными участниками движения.

Для продвижения деятельности «Интернет без угроз» и привлечения новых добровольцев НЦПТИ разработал лендинг движения. На ресурсе интернетбезугроз.нцпти.рф представлена краткая информация о движении, инфографика о том, как к нему

присоединиться, фотогалерея мероприятий и презентации проектов участников. Отдельным полем выделены действующие проекты, к участию в которых НЦПТИ готов принять добровольцев на данный момент. С помощью лендинга все заинтересованные пользователи сети Интернет могут оставить свою заявку и заполнить анкету на вступление в ряды движения «Интернет без угроз».

Помимо лендинга деятельность движения и важные новости, касающиеся киберволонтерства в России, освещаются в социальных сетях – группе «Интернет без угроз» в соцсети «ВКонтакте» и официальном профиле НЦПТИ в Instagram.

В период с января по июнь 2018 года по программе курса «Профилактика экстремизма и идеологии терроризма и других информационных угроз в молодёжной среде посредством сети Интернет» было проведено обучение 79 участников. Опыт реализации такой деятельности НЦПТИ показывает, что проектный подход, учитывающий предварительный отбор киберволонтеров, проведение структурированного обучения, итоговой аттестации в виде проектов, в дальнейшем апробируемых участниками на территориях, и постоянная координация деятельности уже прошедших обучение даёт положительные результаты.

О международном опыте преодоления буллинга

Моисеева Анастасия Игоревна — сотрудник лаборатории профилактики асоциального поведения Института образования НИУ ВШЭ, г. Москва

В настоящее время явление буллинга достаточно хорошо изучено и описано, выделены его основные причины, формы, характерные черты и последствия (Hazier R., 1996; Kwak K., 1999; Lee C., 1999; Weber, Hiller, 2007; Кривцова С., 2011, 2015 и др.). Научным сообществом, общественностью и профильными ведомствами затрачивается немало усилий для профилактики и предотвращения буллинга в школьной среде и во взрослых коллективах. Однако реализуемые меры не приносят ожидаемых результатов, и актуальность проблемы в мире только возрастает. Отсюда следует необходимость в переосмыслении и углубленном анализе ведущего мирового опыта в деятельности по профилактике буллинга и переформатировании имеющихся подходов к её проведению с учётом реалий сегодняшнего дня.

Многочисленность исследований по теме буллинга привела к возникновению метаисследований по данной тематике - более системного обзора и обобщения всех исследований проблемы из разных областей знаний. Метаанализы особенно полезны для обеспечения глобального видения предмета

исследований, максимизации объективности и минимизации предвзятости.

Одна из самых основательных работ в сфере исследований травли в школьной среде была проведена Д. Фаррингтоном и М. Ттофи (Farrington, Ttofi, 2009). Этот анализ явился результатом изучения более полусотни антибуллинговых школьных программ. Учёные пришли к оптимистичным выводам о действенности программ по предотвращению преследований и издевательств: снижение проявления буллинга на 20-23% и уменьшение виктимизации на 17-20% [1]. Примечательно, что зарубежные научные исследования более чётко разделяют границы схожих феноменов проявления агрессивного поведения (агрессия, насилие, виктимизация, буллинг). В отечественной практике под виктимизацией понимают, скорее, предварительный этап, степень буллинга, в то время как на Западе это самостоятельное явление, обозначающее процесс и психологию превращения человека в жертву. Важнейшим условием эффективности изученных антибуллинговых программ названа одновременная работа со всеми

участниками травли – не только жертвами и агрессорами, но и третьими лицами конфликта (свидетелями) – а это говорит о понимании буллинга как коллективного явления, появление которого сигнализирует о неправильном поведении каждого из членов коллектива. Экспериментальные данные показывают, что для искоренения буллинга нужна воспитательная работа со школьниками, а также разъяснительная работа среди учителей, представителей администрации школы и родителей [2].

Важнейшим фактором, который позволяет нам назвать антибуллинговые программы успешными, является комплексный подход к проблеме через сохранение многообразия уже существующих форм работы и в определении содержания

работы по профилактике. В мета-анализе данный подход выражен в двух компонентах: «управление школами» (круглые столы для учителей, собрания и тренинги для родителей, новые задачи для персонала) и «школьная программа» (определение содержания программ, методов и стратегий обучения).

Одна из первых масштабных программ профилактики и предупреждения буллинга в школах была запущена после успешно проведённого в 1983 году Дэном Ольвеусом исследования (Olweus, 2008). В нём приняли участие около 130 тыс. школьников из 42 школ. Эта программа при поддержке Норвежского министерства образования сначала была реализована в самой стране, а затем адаптирована и внедрена

в других странах мира. Ведущий специалист по буллингу определил главной целью программы «создание позитивного школьного климата» [3] и в результате пришёл к этой цели. По задумке Д. Ольвеуса, уменьшить случаи внутришкольной травли можно преимущественно не санкционными методами, а изменением самой школьной среды, улучшением климата через распространение более конструктивного и созидательного материала, привлекая к оздоровительной работе всех участников образовательного процесса на всех уровнях – индивидуальном, групповом, школьном.

В период апробации программы в школах были организованы группы по созданию позитивного школьного контента, специальный координационный комитет, в который вошли учителя, школьные администраторы, представители родителей и учеников. Шла активная работа с родительским сообществом через собрания Ассоциации родителей и учителей и родительские собрания (тренинги, раздача буклетов, беседы с психологами). Специальная подготовка была передана координаторам школ, которые отвечали за её реализацию и работали в связке администрация-учитель-ученик-родитель.

Организованные общешкольные координационные советы по противодействию буллингу вырабатывали единые для учреждения правила взаимоотношений внутри школы и

санкции за их несоблюдение. Но акцент в программе был сделан именно на пропаганде позитивных отношений в классе в активных, привлекательных для обучающихся формах: посредством видеороликов, ролевых игр и организации детского досуга. На индивидуальном уровне учителя вели работу с преступниками, жертвами и свидетелями. Санкции применялись в отношении лиц, виновных в совершении преступлений, эмоциональная поддержка и социальные навыки поощрялись в отношении жертв, а сторонникам было предложено вмешаться в качестве защитников. Родителей вовлечённых детей также попросили помочь. Эта программа имела большой успех, о чем свидетельствуют цифры: за период с 1999 по 2000 годы в Осло более чем на 50% снизилась доля буллии и более чем на 40% - жертв [4].

В 1990-е годы тема буллинга попадает в центр внимания СМИ Великобритании и широко подхватывается британской общественностью. Причиной популярности тематики является во многом успех эксперимента в Норвегии. Так, в Шеффилдском университете (прим. – город в Англии, в графстве Саут-Йоркшир) возникает национальный проект противодействия буллингу. Он был основан на программе Д. Ольвеуса, адаптированной для использования в английских школах. Эксперимент стал первой попыткой масштабного

исследования для определения уровня издевательств в английских школах, так как в это время министерство образования Великобритании не прилагало конкретных усилий по противодействию школьной травле – этот вопрос не рассматривался тогда в качестве серьёзной проблемы [5].

В рамках шеффилдского эксперимента были мобилизованы все человеческие и учебные ресурсы пилотных школ. Проводилось обучение учителей содержанию, методам и формам работы со школьниками по профилактике буллинга. Содержание было связано со знанием об издевательствах, эмоциональной помощи жертве и возможных решениях, если произошёл инцидент буллинга. Следуя норвежскому опыту, в классах была улучшена пропаганда положительных ценностей, использованы различные стратегии и формы работы, начиная от театральных постановок и ролевых игр и заканчивая чтением литературы и просмотром видеороликов.

Имелись в программе и английские нововведения. Так, воспитательная работа с агрессорами проводилась через школьные «суды», на которых ребенка-булли публично отчитывали и поучали перед всем коллективом. Результатом эксперимента стало снижение преследования (виктимизации) в начальных школах на 15% и на 12% –

сокращение в целом по школе [4]. Однако в средних школах эксперимент, можно сказать, провалился – наблюдалось лишь незначительное изменение в уровне проявления буллинга. Конечно, это нельзя свести к активному применению санкционных методов, так как причины должны учитывать многие факторы: дифференциация воспитательных моделей в семьях разных стран, доля участия семьи в социализации ребёнка по сравнению со школой в определённом возрасте, соотношение просветительских, профилактических и административных методов в образовательном процессе в начальной и средней школе и многие другие.

Подобным образом к решению проблем подошли авторы программ SAVE в Испании и Toronto в Канаде. Внедрение испанской программы SAVE (акроним от Seville Anti-Violence in Schools in Spanish) начиналось с анализа школьной среды и характера межличностных отношений. Данный проект впоследствии был включён в школьную политику, которая была одобрена и поддержана всеми членами школьного сообщества. Учителя обучались в течение 20-часового семинара, а затем коллективно разрабатывали собственные проекты по противодействию буллингу в соответствии с моделью SAVE под наблюдением исследователей. Далее следовала непосредственная работа педагогического коллектива с

детским коллективом и родительским сообществом.

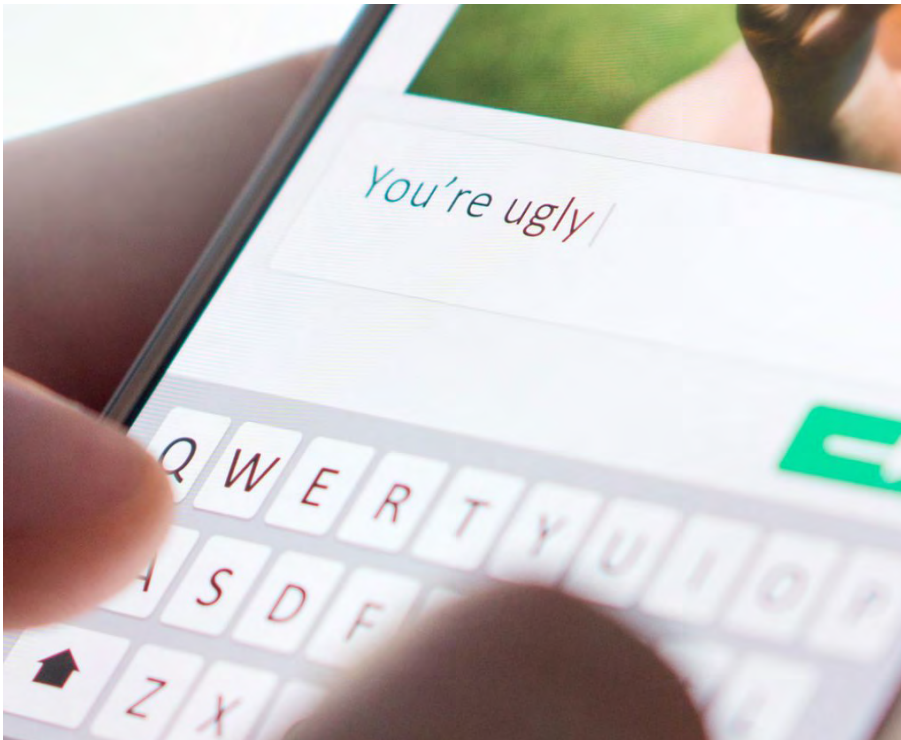
Изменения в самой учебной программе были сосредоточены на профилактике, но в сочетании с индивидуальной работой с детьми-агрессорами и детьми, участвовавшими в издевательствах, а также с психологической помощью жертве. Ключевым содержанием программы стала работа по формированию социальных ценностей и эмоциональных компетенций. Это было достигнуто благодаря игре, рассказам, ролевым играм и другим материалам и методикам, разработанным учителями. В результате введения программы процент жертв и хулиганов уменьшился более чем на 50% [4].

Канадская практика представляла собой мультимодульную программу, включавшую школьный, родительский, классный и индивидуальный уровни. Программа была основана на так называемом экологическом подходе, заключавшемся в создании дружественного климата в образовательных учреждениях. Основными компонентами программы Торонто были обучение персонала, совершенствование кодексов поведения и надзор за детскими взаимоотношениями, при необходимости – корректировка поведения. Администраторам и преподавателям было рекомендовано устанавливать и поощрять стандарты поведения и реагировать, если в их школах возникали эпизоды явного и

скрытого буллинга. В результате действия программы укрепилась связь между родителями и школами, особенно если их дети были вовлечены в школьную травлю.

Схожие с предыдущими примерами подходы к профилактике буллинга продемонстрировали программы: KiVa (фин. «Kiusaamista Vastaan» - «против издевательства» в Финляндии), Donegal and ABC в Ирландии, Bulli & Pupa (Bullies and Dolls) в Италии. Их реализация позволила тиражировать образцы правильных взаимоотношений внутри коллектива, формировать у школьников социальные ценности и эмоциональные компетенции, разрабатывать кейсы по социальному проектированию образцов решения социальных задач и должного поведения в случае реакции на наблюдаемую агрессию. Во время разыгрывания ситуации по ролям до школьников доносилась основная идея коллективной ответственности в случае буллинга: если агрессор (булли) не получает социального подкрепления и статуса в виде молчаливого согласия или поддержки наблюдателей, на что он рассчитывает, то в дальнейшем теряет свою заинтересованность в продолжении агрессии, и проблема таким образом разрешается.

Аналогичный подход, только связанный с профилактикой наркомании, есть и в России. Речь идёт о «Концепции формирования антинаркотической

культуры личности на территории Ростовской области», которая была инициирована антинаркотической комиссией администрации Ростовской области при финансовой поддержке комитета по молодежной политике администрации Ростовской области. Важно, что концепция разрабатывалась научным сообществом. Прежде всего был глубоко проанализирован опыт профилактики наркомании в других странах, а также имеющийся отечественный опыт, выработано решение о необходимости модернизации работы по профилактике наркомании, суть которой, как и у Д. Ольшеуса,

заключается в создании позитивного школьного климата путём активной просветительской работы: хочешь отучить ребёнка от плохого – заинтересуй его хорошим. По мнению учёных, «успех в практической работе вероятен там и тогда, когда присутствует система ценностных установок (неслучайно наличие множества удачных примеров помощи наркобольшим у церкви) и имеется целеполагание созидательного характера (всем известен опыт западных стран по типу: «хочешь спастись сам – помоги другому») [6].

За последние несколько лет во многих странах мира проблемы распространения

буллинга, агрессивного поведения, насилия и меры борьбы с ними были выведены на общегосударственный уровень. В 2018 году в США запущена даже специализированная платформа «stopbullying.gov» [7], детализирующая все возрастающие виды буллинга (религиозный, расовый, подростков нетрадиционной ориентации, детей с ограниченными возможностями, кибербуллинг и др.) и методы противодействия им. Казалось бы, мировое сообщество всерьёз занялось искоренением социального недуга, но, как подтверждает мировая практика, его виды и формы с каждым годом становятся всё более разнообразными, а проявления агрессии – всё более изощренными.

В недавно запущенной правительством Франции общенационально-информационной кампании «*Reagir peut tout changer*» (Реагируя/действуя, можно всё изменить) [7], направленной на борьбу, прежде всего, с гендерным насилием, тоже подчеркивается необходимость переосмысления отношения к насилию, звучат призывы к коллективной ответственности каждого гражданина Франции в противодействии насилию. Как говорится в одном из видеороликов социальной рекламы в рамках данной кампании: «На свидетеле тоже лежит ответственность. Нужно, чтобы в таких ситуациях каждый смог отреагировать. Если мы замолчим, мы будем согласны с тем, что происходит».

Безусловно, проблему буллинга замалчивать нельзя, ровно так же, как нельзя думать, что проблема исчезнет сама по прошествии определённого времени. И очень важно, что современная Европа со своим собственным ей мировоззрением индивидуализма, прибегает для преодоления насилия к коллективным ценностям, призывает мобилизоваться каждому и не оставаться наедине с проблемой насилия в семье, школе, трудовом коллективе. Но проблема не решится лишь с фактом придания ей гласности и усилением борьбы с привлечением новых возможностей и ресурсов.

Как показывает анализ основных программ, наибольшей эффективностью в сфере профилактики буллинга обладают программы, ориентированные на просвещение и трансляцию позитивного материала, формирование системы морально-нравственных ценностей всего детского коллектива. Необходимо учить детей дружбе, уважению, взаимопомощи, прививать им ответственное отношение к своей жизни и жизни других людей, ценность коллективного образа жизни. Современные же российские практики ассиметричны и ориентированы, в первую очередь, на активных участников буллинга, т.е. жертву и агрессора. Остальная же часть школьного коллектива зачастую упускается из виду, хотя наличие в классе безмолвных

свидетелей является маркером неблагоприятия всего коллектива.

Конечно же, нельзя оставлять без внимания факты проявления буллинга, насилия и других видов асоциального поведения в образовательных учреждениях, необходимо преодолевать детское одиночество в решении этих проблем. И санкционные методы в этом случае нужны, чтобы не возникло эффекта диффузии ответственности и последующей «социализации» агрессии: работа должна вестись индивидуально с агрессором, жертвой, подстрекателями и другими активными участниками с привлечением администрации школы, родителей и специалистов-психологов. С остальным же коллективом не в меньшей мере нужно регулярно проводить профилактическую работу и формировать мировоззрение, основанное на системе ценностей, определяющей нормы обыденного поведения, которые позволят в любой ситуации противостоять негативным явлениям и проявить нужную реакцию при обнаружении факта буллинга.

Поэтому в России и в мире сегодня требуется перенести акцент в противодействии буллингу с «борьбы» с фактами буллинга на программы профилактики соответствующего явления. Тем более, что примеры таких программ и в России, и в европейских странах имеются.

Литература и ссылки:

1. Ttofi M., Maria M., Farrington D., Lösel F., Loeber R. The Predictive Efficiency of School Bullying Versus Later Offending: A Systematic/Meta-Analytic Review of Longitudinal Studies. *Criminal Behaviour and Mental Health*. 2011.

2. Бутовская М.Л., Луценко Е.Л., Ткачук К.Е. Буллинг как социокультурный феномен и его связь с чертами личности у младших школьников. ЭО. 2012. №5.

3. Olweus, D., Limber, S. P. The Olweus Bullying Prevention Program: Implementation and evaluation over two decades. 2010; Jimerson S. R., Swearer S. M., Espelage D. L. (Eds.), *Handbook of bullying in schools: An international perspective*. New York: Routledge. pp. 377–402.

4. Zych I., Farrington D., Llorent V., Maria M. Protecting Children Against Bullying and Its Consequences. 2017. 92 p. URL: https://sanet.st/blogs/kingbooks/protecting_children_against_bullying_and_its_consequences.2236558.html (дата обращения: 14.10.2018).

5. Cambridge university press. *Bullying in Schools*. URL: <https://www.cambridge.org/core/books/bullying-in-schools/46B3B4IEAD0749B7B0FDEFADF3079EDA> (дата обращения: 14.10.2018).

6. Антинаркотическая культура как интегральная характеристика личности. Теория, методики, технологии нового подхода для образовательных учреждений по профилактике наркомании. Таганрог: Администрация г. Таганрога. 2011. 200 с.

7. Программа Stop-violences-femmes.gouv.fr. URL: <http://stop-violences-femmes.gouv.fr> (дата обращения: 15.10.2018).

Исламистский «шахидизм»

Добаев Игорь Прокопьевич – доктор философских наук, профессор, эксперт Российской академии наук, Южный федеральный университет (ЮФУ), Ростов-на-Дону

На общем фоне эскалации террористического насилия, начавшегося во второй половине XX в., продолжает актуализироваться наиболее опасный вид терроризма – терроризм смертников, которые исламистами ошибочно именуются «шахидами». Вместе с тем следует подчеркнуть, что в исламе шахидом признается воин, муджахид (букв. участвующий в джихаде), погибший во время сражения «на пути Аллаха», даже если он был убит не на поле боя, а умер случайно или непреднамеренно от собственной же руки. Этот тип мученика называется «совершенным шахидом», поскольку он признаётся мучеником, как в этом мире, так и в жизни последующей, после смерти, где получит заслуженную награду от бога [1]

В мусульманской религиозно-политической культуре термином «шахид» обозначают мусульманина, пожертвовавшего собой за веру, принявшего мученическую смерть. Помимо этого, к шахидам относятся все умершие насильственной смертью, в числе которых – убитые человеком, животным, погибшие во время стихийных бедствий, эпидемий, утонувшие,

отравленные, скончавшиеся во время хаджа и т.д. [2]. Но эта интерпретация термина «шахид» является расширительной, что ослабляет религиозный смысл, первоначально заложенный в его содержание. Однако исламская ортодоксия категорически отрицает тождество между «шахидами» и террористами-самоубийцами.

Согласно исламской традиционной доктрине, мусульманин, осуществивший осознанное самоубийство, не может считаться шахидом. Самоубийство, повлекшее за собой гибель мирных людей, является тяжким грехом, которого Бог никогда не прощает. Однако религиозные деятели – носители экстремистской идеологии, использующие ислам в политических целях, пытаются оправдать и обосновать суицид как необходимое средство борьбы против врага, посягнувшего на «дар аль-ислам», представляя его именно как «шахидизм», а погибших в ходе его осуществления террористов – «шахидами».

Самоубийство и, следовательно, террористы-самоубийцы, уносящие за собой жизни тысяч невинных людей, в корне

противоречат моральным принципам ислама: «Кто убил душу не за душу или за порчу, тот как бы убил людей всех. А кто оживил её, тот будто бы оживил людей всех» (Сура «Трапеза», 5:32). В исламе не допускается насилие, выходящее за рамки равного возмездия. Так, в Коране утверждается: «И предписали Мы им в ней, что душа – за душу, и око – за око, и нос – за нос, и ухо – за ухо, и зуб – за зуб, и раны – отмщение. А кто пожертвует это милостью, то это – искупление за него» (Сура «Трапеза», 5:43). Таким образом, хотя в Коране допускается принцип возмездия за убийство, тем не менее, он строго ограничен рамками недопущения чрезмерного насилия.

Акции псевдошахидизма активно применялись в средние века, в частности, адептами одной из подсект исмаилитов –

низаритами (хашишины, асса-сины). Несмотря на то, что терроризм смертников отмечался и в прежние времена, тем не менее, расцвет этого явления пришелся на вторую половину XX – начало XXI вв.

Как утверждает отечественный исследователь данного явления С.И. Чудинов, терроризм смертников ведёт свои истоки от шиитской версии радикального ислама, пустившего свои корни в разорванном гражданской войной и иностранной оккупацией Ливане. Большинство экстремистских движений, воспринявших и адаптировавших тактику атак смертников к условиям социально-политического конфликта на своей родине в 1990-е годы, копировали ливанскую модель сопротивления, с которой они имели возможность познакомиться самым непосредственным образом (боевые

кадры этих группировок проходили военную тренировку в Ливане в то время, когда радикальные шиитские партии впервые апробировали атаки смертников). Ливанская модель, в свою очередь, была подражанием опыту иранских басиджей времён современной ирано-иракской войны, вспыхнувшей вслед за исламской революцией 1979 года в Иране [3].

В 80-х годах «шахидизм» стал связываться, в основном, с деятельностью шиитов, поскольку его проявления стали фиксироваться практически сразу после победы «исламской революции» в Иране. Так, во время войны с Ираком иранских подростков посылали на минные поля противника – чем больше мучеников, тем выше моральный дух армии.

С начала 90-х годов в качестве «живых бомб» предстали члены проиранских палестинских и ливанских группировок – «Джихад Ислами», «ХАМАС» и «Хезболлах». На роль камикадзе арабские террористические организации привлекали в основном молодых людей, часто девушек, тех, кого спецслужбы менее всего склонны подозревать в преступных намерениях [4]. Возраст террористов-самоубийц в основном колебался от 18 до 30 лет, большинство из них не состояли в браке. Как правило, террористы-смертники – люди со средним или неполным средним образованием, однако отмечается тенденция роста числа

«шахидов», мужчин и женщин, с высшим образованием.

Если рассматривать атаки самоубийц в контексте палестинской интифады (началась в 1987 г.), то они явились наивысшей фазой (или даже пиком) применения палестинцами этих средств борьбы. Так, только с апреля 1993 г. по март 1996 г. палестинскими террористами «Джихад Ислами» и «Хамас» было совершено 32 теракта, в результате которых было убито 127 и ранено 638 израильтян.

По мнению идеологов «шахидизма», теракты самоубийц прославляют роль исламистского движения в этой борьбе. Более того, «смертники-бомбы» самым актом самопожертвования углубляют масштабы исламского сопротивления, привлекают в ряды палестинского «сопротивления» всё новых и новых adeptов, готовых на всё ради внедренных в их сознание идей.

Мотивировка и религиозный аспект шахидизма

Радикальный исламизм создал свою идеологическую концепцию «смерти мучеников» [5]. Внедрённые в сознание людей идеи «шахидизма» предоставляют их носителям своего рода сакральную санкцию на осуществление террористической деятельности, которая понимается ими не как уголовное преступление, но как «священная война за веру» – джихад. Поэтому, как бы ни были успешны операции

против исполнителей терактов, они продолжают до тех пор, пока не будут устранены условия, позволяющие возвращать террористов, создавая атмосферу, способствующую пополнению их рядов.

Теракт представляется исламскими радикалами как необходимость, основанная на законах «священной войны». По их мнению, нет более эффективного способа нанести ущерб, напугать врага и посеять страх в рядах противника, сорвать его планы – и всё это при минимальных потерях.

Одновременно следует подчеркнуть, что самоубийце, выполнявшему возложенную на него миссию, идеологами «шахидизма» со ссылками на сакральные источники мусульманства обещана безграничная «милость»: освобождение от личных проблем, великолепная вечная жизнь в раю, присоединение там к остальным «героям ислама»; приобретение почётно-социально-религиозного положения для себя и своей семьи; наконец, удовлетворение, полученное от участия в исламском джихаде и в «спасении мусульман».

Духовные наставники (чаще всего – это мусульманские авторитеты, не имеющие прямого отношения к актам террора и даже не являющиеся членами террористических группировок) вводят потенциального самоубийцу в состояние религиозного возбуждения, которое приводит террориста в область «святости»

и оставляют его в этом состоянии экстаза до момента исполнения миссии. Тогда важность и значимость жизни в этом мире в сознании террориста становится бессмысленной по сравнению с важностью и значимостью миссии «шахида», а также с тем «будущим», которое его ожидает.

Потенциальному смертнику внушают мысль о том, что его намерения чисты, объясняют, сколь велика дистанция между возложенной на него сакральной миссией и самоубийством по личным мотивам, которое категорически запрещается исламом. Его также убеждают в том, что смерть будет безболезненной (не почувствует ничего, кроме укола), и что он, безусловно, попадет в рай.

Теракты-самоубийства от других форм терроризма отличаются готовностью террориста выполнить «божественную» миссию, которая, несомненно, завершится его смертью. Готовность террориста не случайна. Она основывается на личных качествах добровольца (внутренняя predisposition к такому шагу), а, главное, является результатом идеологического воздействия на его психику религиозных наставников. У некоторых людей достаточно сильная религиозная мотивировка может привести к готовности отдать свою жизнь за «благородное» дело. Особенно тогда, когда религия обещает значительное посмертное воздаяние, а поступок соверша-

ется в условиях кризиса всей общины. В этом случае развивается духовное воодушевление потенциального террориста-самоубийцы, его готовность пожертвовать собой становится необратимой.

Подготовка

Авторитетный отечественный исследователь «политического» ислама А.А. Игнатенко так описывает практиковавшуюся в раннем средневековье подготовку к террористическому акту потенциального исмаилитского (низаритского) шахида:

«Вот какой хитростью пользовался глава исмаилитов. Когда он хотел отправить кого-то для убийства противника, то давал этому человеку выпить вина, смешанного с беленой. Человек становился смертельно пьяным, и его переносили в особый сад, где было всё лучшее из того, что создал Аллах. Там прохаживались служанки и юные рабы удивительной красоты, звучали самые мелодичные в мире музыкальные инструменты. Там подавались блюда – такие вкусные и восхитительные, какие только можно вообразить. Придя в себя после опьянения и видя всё это, человек удивлялся и спрашивал: «Где это я?!» Служанки ему отвечали: «Ты в раю. Твой владыка прислал тебя к нам. Мы – гурии, а то – эфебы...». Потом они обслуживали его наилучшим образом и оказывали ему великие почести.

Он оставался в этом месте целую неделю, пил, наслаждался жизнью в своё удовольствие. Потом служанки поили его вином с беленой, и он впадал в сон. Его перенесли домой. Когда он просыпался, то находил рядом свою жену. Тогда он отправлялся к владыке и просил вернуть его в рай. Тот говорил: «Убей такого-то. Если тебя после этого казнят, ты отправишься в место, которое видел. Если вернешься невредимым, я сам тебя туда отправлю».

Невежественный человек крепко верил в правдивость слов своего хозяина и слепо шёл на гибельное дело» [6].

И сегодня существуют определённые приёмы, позволяющие человека, выразившего готовность умереть смертью мученика, привести в состояние, из которого уже нет обратного пути. Палестинскими радикальными исламистскими группировками, в частности «Джихад Ислами» и «ХАМАС», используются различные методы психологической подготовки будущих «шахидов».

Особый религиозный ритуал: доброволец исполняет серию актов, символизирующих уход из земной и вхождение в «святую» сферу, из которой не выйдет до момента исполнения своей миссии. В этой атмосфере сознание террориста впитывает религиозные, идеологические, политические и военные установки.

Будничные проблемы отодвигаются на задний план, уменьшается значимость жизни на Земле перед лицом самой важной миссии.

Этот процесс, по сути, есть введение в состояние религиозного экстаза. Например, существует церемония - фиктивные похороны ночью - один из очень сильно воздействующих на психику человека факторов. В процессе таких «похорон» добровольцу читают отрывки из Корана до того момента, когда он «отплывёт» к воротам Рая.

Обещание вознаграждения от Аллаха и мусульманской уммы.

В личном плане добровольцу и его потомкам обещается социально-религиозный престиж (станет вторым или третьим после Аллаха и Пророков), чего он никогда бы не смог достичь каким-либо другим путём. Ему обещают вечную жизнь и всевозможные удовольствия в «садах Эдема» вместо земных проблем. Ему внушают, что его смерть, похороны и уход от любимых и близких будут безболезненны. Ему обещают также, что его жертва пойдёт на пользу его «большой семье», и гарантирует ей существенную помощь со стороны мусульманского сообщества.

В общественном плане - террорист достигает полного удовлетворения, так как он в существенной степени поддерживает «священную войну» - Исламский джихад - и влияет на её итог.

Использование «исламского мифа» - потенциальному террористу-самоубийце предлагается возможность присоединиться к числу «почётных героев ислама». Добровольцу внушается мысль о том, что таким же путём в Эдем попали такие выдающиеся личности, как, например, мухаджиры и ансары пророка Мухаммеда. Демонстрация сюжетов из истории ислама помогает, таким образом, показать и доказать, насколько важна и позитивна «смерть мучеников» для самого будущего «шахида» и всей мусульманской уммы.

Религиозные наставники также используют сакральные источники мусульманства, в значительной мере свидетельствующие о героизме и славе «шахидов» («мучеников»), приводят несомненные «доказательства» их посмертного будущего.

Прежде всего, доброволец подвергается внушению, что теракты в настоящей обстановке (военной, политической и социально-культурной) являются необходимыми и оправдываются религиозными законами жизни мусульман. Анализируя современную ситуацию и проводя аналогию с событиями прошлого, инструкторы убеждают добровольца в особой значимости его акта самопожертвования.

Ему внушают, что человек создан и живёт, чтобы служить Богу. Жизнь - это лишь средство служения богу. Джихад

(священная война) – это безусловное служение богу, и смерть в результате джихада, якобы, есть апогей такого служения. Для мусульман не существует цели выше, чем жизнь во имя Аллаха и смерть за него.

Перед лицом неизбежной смерти будущего «шахида» религиозные наставники подчёркивают обыденность реальной жизни. Тогда такая жизнь представляется «мгновением ока» по сравнению с потусторонней вечной жизнью после смерти; жизнь важна только как средство выполнения предназначения человека – борьбы во имя бога. Жизнь является только переходом к небесам или аду. В таком случае сам теракт в ходе осуществления исламского джихада считается общественным долгом. Те, кто принимают участие в джихаде, выполняют гражданские обязанности.

Когда мусульмане оказываются под чужеземной оккупацией, – доказывают идеологи джихада, – каждый из них обязан бороться против врага любым доступным способом.

Если у потенциального террориста-самоубийцы появляются какие-либо сомнения и колебания, то его наставники говорят о том, что надо черпать силу у всех предыдущих поколений мусульман, для которых жизнь казалась бременной и которые хотели встретить Бога, совершив угодные Его воле «героические» поступки, способствуя победе мусульман (примеры: Махди в Судане, Ал-Кассем в Палестине, Хасан ал-Банна в Египте и т.д.).

Идеологи «шахидизма» утверждают, что этот метод в настоящее время применяется в Палестине в силу следующих объективных причин:

Репродукция гравюры, ок. VIII века. Акции псевдошахидизма активно применялись в средние века, в частности, адеттами одной из подсект исмаилитов – низаритами

а) идёт борьба между ныне «слабым миром ислама» и сильным врагом. В такой обстановке обязанность вести джихад лежит на всех мусульманах и может осуществляться любыми средствами;

б) методы борьбы, использовавшиеся до сих пор, не были эффективными, потому что враг обладает лучшим оружием, его разведка и превентивные меры стали более эффективными. Большие трудности существуют и в выполнении заданий: переход, переброска оружия, взрывчатки, других сил и средств через границу с Израилем;

в) для того, чтобы нанести врагам максимальный урон и посеять страх в их сердцах, следует прибегать к «шахидизму», используя эффективные в этих целях взрывчатые материалы (самоубийца проникает в центры скопления людей на машине или сам несёт взрывчатку на своем теле, и взрывается в соответствующий момент);

г) ведение борьбы другими методами (диверсии, засады, установка фугасов и т.д.) должно продолжаться, особенно если это способствует успеху. Однако враг повысил свою боевую готовность и качество методов противодействия таким атакам. Одновременно более успешной операция считается тогда, когда жертвами становятся не только те, против кого (вооружённые силы) данная атака была направлена, но также старики, женщины и дети. Теракты против гражданского населения оправ-

дываются тем, что все израильтяне, без исключения, являются «врагами мусульман»;

д) обеспечивается возможный минимум потерь мусульман (гибнут лишь один-два, реже – три мученика). Одновременно такие акции воодушевляют мусульман, восстанавливают их честь, возрождают мусульманскую гордость, вызывают боевой энтузиазм, вселяют веру в силу и мощь ислама. Самая важная цель акции: триумф ислама, а «шахиды» получают достойное вознаграждение за «спасение» сотен мусульманских женщин, детей и стариков – попадут в рай.

Гендерный фактор

Некоторые радикальные исламские группировки считают, что роль женщины состоит в том, чтобы рожать и воспитывать детей, которые в будущем станут бороться против врага. Поэтому для женщин нет места в непосредственной вооружённой борьбе.

Однако многие экстремистские лидеры террористов, например, в Палестине, поощряют использование женщин как самоубийц-террористок, как эффективное средство борьбы, так как противнику значительно труднее обнаружить и нейтрализовать их, чем мужчин. Поэтому они и привлекают для этих целей женщин, которым в отличие от мужчин легче пробраться с «поясом шахида» в «стан противника», минуя

порой полицейские посты, поскольку женщина-бомба нередко выглядит, как беременная. В связи с использованием женщин в качестве шахидов идёт спор о «законности» такой практики с точки зрения шариата. Ведь многие знатоки мусульманского права считают, что женщина не имеет права появляться на улице одна, без сопровождения мужчины - мужа или родственника, тем более с «поясом шахида» на теле. Поэтому с точки зрения исламских ортодоксов запрещается использование женщин в качестве живых бомб. Однако радикальные исламисты имеют другое мнение на этот счёт.

Хотя в настоящее время за большинством террористических актов с участием смертников стоят исламистские группировки, религиозная составляющая мотивации не столь обязательна для всех исторических разновидностей терроризма смертников. Иногда дух националистической борьбы миноритарной этнической общности и культивируемая в ней идеология самопожертвования доводятся до столь крайнего альтруизма в отношении идеала независимой родины, тесно переплетаясь с чисто восточным культом харизматического лидера повстанческого движения, что этого может быть достаточно и без религиозных стимулов для воспитания готовности в адептах националистического движения превратить себя в живые бомбы.

В качестве примера можно привести соответствующую

практику «Тигров освобождения Тамил Илама» в Шри-Ланке или курдских сепаратистов из Рабочей партии Курдистана, устраивавших самоподрывы в Турции и т.д. Националистический компонент был силён даже в самом Ливане, родине современного терроризма смертников, в среде светских националистических партий и группировок Ливана (Сирийская социально-националистическая партия и др.). Однако всё же радикальный ислам остаётся важнейшей культурно-идеологической основой распространения терроризма смертников в современном мире. Более того, именно исламистская интерпретация идеала исламского мученичества легла в основу его глобализированной формы [3].

Вместе с тем, количество терактов в мире с использованием самоубийц продолжает оставаться серьёзной проблемой для отдельных регионов мира. Например, оккупированный войсками США и их союзников Ирак в этом плане в середине 2000-х годов поставил такие «рекорды», по сравнению с которыми все остальные ареалы использования тактики «шахидов» в мире просто меркли. Пиковыми годами оказались 2005-й и 2007-й – 478 и 442 случая использования «живых бомб» соответственно. Однако уже в 2009 году в Ираке было зафиксировано немногим более 30 акций террористов-самоубийц. Всего же в 2003-2008 годах в этой стране было зафиксировано около 1700 взрывов, осуществлённых

смертниками. Другой ареал особой активности «шахидов» – Афганистан, где с 2006 года ежегодно фиксировалось в среднем по 140 акций самоподрывов [7]. Тогда же в этот разряд вошёл и Пакистан, где взрывы самоубийц звучали с нарастающей частотой.

Шахидизм на Северном Кавказе

«Шахидизм» перестал быть локальным явлением, поскольку приобрёл глобальный масштаб, распространился по миру, акции «шахидов» фиксируются во многих странах, в том числе, и в России, в её северокавказском регионе в частности.

Ранее акции «шахидизма» в регионе практически не фиксировались. В истории народов Северного Кавказа, в том числе и чеченцев, практически не известны случаи целенаправленного и осознанного самоубийства. Феномен суицида – чужд образу жизни и духовно-культурному восприятию северокавказских этносов, в том числе чеченцев. В чеченском языке, например, даже отсутствует термин, обозначающий этот феномен [8].

Для традиционной культуры чеченцев ранее не были характерными акции самоубийства мужчин, а тем более женщин. Намеренная гибель в суннитском правовом (чеченцы – мусульмане-сунниты – И.Д.) приравнивается к самоубийству, что осуждается исламом: «И они не поклоняются иным богам,

кроме Аллаха, и не лишают жизни душу, которую Аллах запретил для убийства сотворил... А те, кто творит это, тот встретит тяжкое воздаяние» (Сура «Различение», 25:68). Убийство человеком самого себя, - какова бы ни была причина, - запрещено в исламе: «...И не убивайте самих себя...» (Сура «Женщины», 4:29). В соответствии с нормами ислама самоубийца не может попасть в рай, поэтому правоверный мусульманин никогда не пойдёт на самоубийство.

В первую чеченскую кампанию (1994-96 гг.) среди воюющей части чеченцев факты «шахидизма» практически не наблюдались, но во второй войне (1999-2009 гг.) они стали едва ли не обыденным явлением. Уже в начале 2000-х годов печально известный чеченский полковой командир Ш. Басаев объявил о создании подразделения смертников под названием «Риядус Салихийн» («Сады праведных»), которое не отражало какую-то единую структуру, но было скорее вывеской, под которой лидер экстремистов объявил о своей причастности к подготовке атак смертников. Терракты в Аргуне, Гудермесе, Урус-Мартане, Грозном, Знаменском, Илсхан-Юрте, Моздоке, Назрани, в Москве и Кисловодске и др. были совершены смертниками. Молодые мужчины и женщины, вполне осознавая последствия, шли на эти теракты, в ходе которых гибли совершенно невинные люди.

Как подчёркивает С. Чудинов, во многих отношениях терро-

ризм смертников в Чечне необычен. Во-первых, для него характерен очень высокий процент женщин-исполнительниц атак смертников. Специалисты в области психиатрии и психологии Анна Спекхард и Хапта Ахмедова, проводившие специальные исследования чеченского терроризма смертников, подсчитали, что женщины-смертницы принимали участие в 22 из 27 террористических операций с участием смертников (с июня 2000 по май 2005 года). Их доля среди смертников составила 43% (47 из 110 человек). Что касается объектов покушений, то из 28 террористических операций с участием смертников, осуществлённых с июня 2000 по июль 2005 года, 10 были нацелены на военные объекты, 4 – на промосковские правительственные учреждения и официальных лиц правительства Чеченской Республики, 14 – на гражданские объекты (из них 8 произошли в Москве). В первые два года атаки смертников происходили только в Чечне и были нацелены на российские военные базы, в последующем наблюдался процесс расширения ареала их осуществления. В 2003-2004 годах был достигнут пик интенсивности чеченского терроризма смертников, который, тем не менее, до сих пор остаётся в республике маргинальным явлением, не одобряемым местной общественностью [3].

В 2009 году был зафиксирован новый всплеск терроризма смертников на Северном Кавказе. При этом терроризм самоубийц как специфическая практика радикальных исламистов уверенно вышел за пределы Чечни и затронул не только соседние с ней Дагестан и Ингушетию, но и некоторые другие российские регионы, утратив при этом исключительно чеченский этнический облик. В частности, летом 2009 года было совершено громкое покушение на президента Ингушетии Юнус-Бека Евкурова, ответственность за которое взял впоследствии нейтрализованный Доку Умаров и возрожденные им бригады «Риядус Салихийн». В 2009 году на территории Чеченской Республики «живыми бомбами» стали 10 человек, в Республике Ингушетия – 4 [9]. Террористы-смертники успели отметиться в Северной Осетии, Ставропольском крае и Москве. Эта же тенденция сохранялась в последующие годы. Так, по официальным данным НАК РФ, в 2010 году из 23 зарегистрированных в стране терактов 8 совершены смертниками, а в 2011 году из зафиксированных 10 терактов – 4 на счету террористов-самоубийц [10]. Периодически правоохранительным органам в результате спецопераций удаётся ликвидировать или задерживать потенциальных смертников, но далеко не всегда.

Как свидетельствует практика, в основном роли «живых бомб» на Северном Кавказе выполняют юноши и женщины, как правило, т.н. «чёрные вдовы» (вдовы убитых боевиков, для которых в специфических условиях Кавказа со смертью их мужей закан-

чивают свои дни). Эти женщины часто являются жертвами насилия со стороны своих родственников и соседей, что делает их крайне уязвимыми. Кроме того, они часто являются носителями информации о местонахождении боевиков, что делает их ценными для правоохранительных органов. Однако, несмотря на это, они продолжают выполнять свои обязанности, что свидетельствует о высокой степени лояльности к своим близким и к сообществу в целом.

чивается не только супружеская жизнь, но и в ментальном плане утрачивается смысл жизни как таковой). Подготовка таких смертников ведётся групповым методом по специально разработанной программе с использованием зомбирующих технологий, учебно-тренировочных заданий, формирующих жёсткие мотивационные установки, с соответствующей атрибутикой и ритуалами.

Однако в последние годы террористами-смертниками стали преимущественно юноши и молодые мужчины. Развертывание на территории регионов России «шахидизма» свидетельствует о мощном влиянии ближневосточных экстремистских организаций на эволюционные процессы в северокавказском радикальном исламизме, участии наёмников в подготовке и осуществлении террористических актов на Северном Кавказе.

Северокавказским боевикам удалось поставить на поток подготовку и создать резерв потенциальных смертников-самоубийц, а также идеологов и наставников «шахидов» из числа не только зарубежных, но и российских граждан (например, уничтоженный Саид Бурятский). Как подчеркивают эксперты, практика «шахидизма» весьма эффективна: взрывы «живых бомб» составляют три процента всех терактов, совершённых в мире, однако именно на них приходится 48 процентов жертв [11]. Что касается России, то за период с августа 1999 года по сен-

тябрь 2009 года террористами-смертниками в различных ее регионах, преимущественно на Северном Кавказе, была осуществлена 41 акция «шахидизма», все они сопровождались далеко не единичными жертвами. Как отмечалось выше, в 2010-2011 годах зафиксировано еще 12 случаев самоподрывов. Таким образом, в 1999-2011 годах смертниками совершены 53 террористические акции. Для сравнения: в Израиле за период т.н. «интифады» (первая интифада в Палестине вспыхнула в 1987 г., вторая – в 2000 г.) взорвали себя 59 палестинцев [12]. Иными словами, по количеству «живых бомб» Северный Кавказ уверенно догнал Палестину, а по частоте применения практики терроризма самоубийц явно её превосходил. Правда, следует отметить, что безусловными лидерами по проведению акций террористов-самоубийц в те же годы выступали Афганистан и Ирак, оккупированные войсками США и их союзников. Ежегодно там, а также и в Пакистане, фиксировались сотни акций самоподрывов.

Вместе с тем, самоубийство запрещено не только исламом, но и более древней правовой культурой – адатами горцев Северного Кавказа. В соответствии с ними самоубийца не может быть похоронен на кладбище, где похоронены его родственники. Обычно его хоронят за оградой кладбища, а чаще вообще скрывают место захоронения.

Участившиеся случаи самоубийства в первое десятилетие

нынешнего века среди северокавказских горцев – само по себе явление экстраординарное. «Шахидизм» – чуждый кавказской ментальности и традиционному социокультурному бытию феномен, однако определёнными силами он настойчиво навязывается местным народам.

В результате в отмеченный период времени «шахидизм» стал едва ли не обыденным явлением на Северном Кавказе. Террористические акты в Грозном (27 декабря 2002 г.), Знаменске (12 мая 2003 г.) и Илсхан-Юрте (14 мая 2003 г.) были совершенны «камикадзе». 5 июня 2003 г. женщина-самоубийца совершила теракт в Моздоке, в результате чего погибли 18 человек. 6 июня 2003 г. в Грозном был взорван жилой дом, при этом погибли 10 человек, из них 8 детей. В Моздоке был совершён теракт, в результате чего полностью разрушен военный госпиталь, погибли более 100 человек, в 2014 г. вновь был зафиксирован акт самоподрыва в центре Грозного и т.д.

Однако, к сожалению, официальное мусульманское духовенство долгое время не уделяло должного внимания вопросу теоретико-идеологического противостояния терроризму под прикрытием ислама в его самой острой форме. Отчасти это объясняется тем, что представители традиционных исламских структур, будучи незащищёнными от насилия со стороны боевиков, не рискуют, даже боятся открыто противодействовать им. Для

этого есть веские основания: в последние два десятилетия на Северном Кавказе от рук террористов погибло более 50 жителей мусульманского культа. Так, в 2003 г. в Шатое (Чечня) были убиты сын муфтия Чечни А.Х. Шамаева и трое его односельчан. В селении Элистанжи Веденского района убит авторитетный мулла, имам мечети. Покушение на убийство с применением практики «шахидизма» было осуществлено в отношении А.Х. Кадырова, бывшего муфтия, а затем и президента Чечни. И таких примеров, в том числе по другим северокавказским республикам, немало.

Вместе с тем терроризм, будучи социально-политическим, а вовсе не религиозным явлением, зачастую облекается в исламскую, точнее в исламистскую, форму. Как отмечает известный отечественный исламовед А.А. Игнатенко, «террористы (если они мусульмане) представляют совсем не тот ислам, которым руководят облечённые должностями исламские лидеры, и, наверное, не станут их слушать, даже если те и захотят что-то сказать террористам. У меня есть ощущение, что все теракты последнего времени с участием мусульман – в США, Индонезии, на Филиппинах, в России, других местах – планируются и осуществляются таким образом, чтобы происходила радикализация и, если можно так выразиться, «экстремизация» ислама и мусульман вследствие неминуемого об-

щественного ответа (а он, естественно, всегда негативен) на подобные террористические акты. Образно говоря, это похоже на то, как какие-то боевики или террористы ведут огонь из мирных кварталов, а силы правопорядка волей-неволей наносят удары по этим кварталам, вследствие чего могут пострадать и мирные жители, вынужденно становящиеся затем боевиками» [9].

Таким образом, современный «шахидизм» – прежде всего, именно социально-политический феномен. Ведь при совершении ответных силовых действий мусульманин не имеет права применять насилие, выходящее за рамки допустимого исламом. Важно отметить и то, что ислам призывает мусульман к тому, чтобы они не убивали самих себя, воздерживались от мерзостей и преступлений, что говорит о высоком духовном потенциале, заложенном в текстах Корана и сунны пророка Мухаммада. Всё это даёт основание утверждать, что терроризм, а тем более «шахидизм», связанные с чрезмерным насилием, не имеют ничего общего с нормативным, ортодоксальным исламом. Вышеназванные явления могут быть отнесены исключительно к радикальному исламизму.

Литература и ссылки:

1. Юджеоглу Х. Ислам о шахидах и террористах-смертниках // Ислам о терроре и акциях террористов-смертников / Сост. Э. Чапан. М., 2005.
2. Ислам: Энциклопедический словарь. М., 1991.
3. Чудинов С.И. Терроризм смертников. М.: Флинта, Наука, 2010.
4. Млечин Л.М. Кто взорвал Америку? М., 2002.
5. Палестинский «шахидизм» описывается на основе обзора «Террор самоубийц и мусульманские экстремистские организации», находящегося на сайте Посольства Израиля в Российской Федерации.
6. Рай исмаилитов (пер. с арабского А. Игнатенко) // Отечественные записки. 2003. № 5.
7. Добаев И.П., Добаев А.И., Немчина В.И. Геополитика и терроризм эпохи постмодерна. Ростов н/Дону: Изд-во ЮФУ, 2015.
8. Описание «шахидизма» на Северном Кавказе базируется на монографии Акаева В.Х. «Ислам: социокультурная реальность на Северном Кавказе». Грозный, 2004.
9. Добаев И.П. Современный терроризм в мире и на Северном Кавказе: сущность, практика, опыт противодействия // Ориентир. 2010. Ноябрь.
10. Сабилов В.Ш., Соина О.С., Щекотин Е.В., Добаев И.П. и др. Экстремизм как цивилизационный вызов: коллективная монография / науч. Ред. В.Ш. Сабиров. Новосибирск: НГАСУ (Сибстрин), 2012.
11. Добаев И.П., Мурклинская Г.А., Сухов А.В., Ханбабаев К.М. Радикализация исламских движений в Центральной Азии и на Северном Кавказе: сравнительно-политологический характер. Ростов н/Дону, 2010.
12. Добаев И.П. Террористические исламистские организации на Северном Кавказе: влияние экзогенного фактора // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 10.

Использование идеологии экстремизма как инструмента в ведении гибридной войны

Ярошенко Максим Павлович – магистрант Южного федерального университета, участник регионального общественного движения «Интернет без угроз»

Несмотря на предпринимаемые меры и очевидные успехи в сфере борьбы с экстремизмом, проблема далека от решения. Сегодня есть все основания полагать, что процессы вовлечения людей в экстремистскую деятельность носят не стихийный, а контролируемый и системный характер. Если ранее отмечалось, что люди, в том числе и молодёжь, не найдя решения своих проблем мирным путём, совершали противоправные действия при активной работе лидеров и вербовщиков экстремистских организаций, то только относительно недавно стали говорить о том, что экстремизм как явление носит «стратегический характер». Речь идёт о так называемых гибридных войнах.

Советник Академии МИД РФ В.С. Котляр выделяет два контекста использования термина «гибридные войны». В первом он описывает «использование иррегулярных воинских формирований, возрастание роли спецслужб, диверсий,

провокаций и других форм и способов ведения подрывных операций, информационных и финансово-экономических операций, кибератак, методов психологического воздействия на поведение людей». Во втором случае автор говорит о применении масштабных боевых операций, но без привлечения регулярных вооружённых сил, с опорой на внутренние политические силы, разделяющие позицию нападающего государства, с целью смены режима страны-жертвы или радикального изменения её политики при массивной материальной и информационной поддержке» [1].

На первый взгляд, если изучить инструментарий гибридных войн, может возникнуть впечатление, что в нём совершенно нет ничего нового. Действительно, ведь перечисленные выше средства применялись и ранее, например, во времена холодной войны. Некоторые исследователи вообще ставят под сомнение необ-

ходимость использования данного термина в научном дискурсе, говоря, что «прелесть концепции «гибридной войны» именно в неконкретности и универсальности термина», «судя по параноидальным выходкам ряда политиков восточной Европы, это даже не утрирование. Опять-таки, волшебное словосочетание позволяет дать хоть какое-то объяснение внеправовым и даже нелепым шагам, вроде запрета соцсетей и антивирусов», «вирусный мем «гибридная война» куда важнее для политики, чем для военной теории» и, наконец, «в качестве пропагандистского конструкта «гибридная война» стала просто находкой». Данная точка зрения, тем не менее, имеет право на жизнь, так как обосновывается

тем фактом, что технологии гибридной войны применялись и ранее, просто раньше не было необходимости обличать это в новый термин, на котором стали паразитировать многие политики [2].

Ответ на то, почему есть такая разница в восприятии самого термина «гибридная война» можно получить из интервью Офера Фридмана, бакалавра Еврейского университета и магистра Междисциплинарного центра в Греции, которое он дал «Вестнику МГИМО». Сам Фридман специализируется на вопросах военной истории и безопасности, борьбы с терроризмом. В своём интервью он отметил, что во время кризиса в Украине 2014 года в западном научном дискурсе произошла рекон-

цептуализация самого понятия «гибридная война», и что до этого она обозначала, по сути, лишь использование регулярных и нерегулярных формирований во время ведения боевых действий. В этом, в отличие от современной трактовки, и заключалась «гибридность». Также произошла любопытная ситуация, когда Запад обвинил Россию в том, что она ведёт гибридную войну против Украины. В своём интервью Фридман указал, что в нашем дискурсе преобладали теории Евгения Месснера о мятежевойне, Александра Дугина и его сетцентричной войны, Игоря Панарина с теорией информационных войн, дальше которых, по мнению автора, Россия и не продвинулась. Суть всех теорий была одна - подрыв политической легитимности противника изнутри [3].

Ряд исследователей утверждают, что несмотря на то, что технологии гибридной войны были известны и ранее, в наше время у них появилось некое «синтетическое единство» [4]. Среди пространств, в которых может вестись гибридная война, исследователи В.Н. Акулинин и Н.С. Епифанова выделяют пять основных, а именно: информационное (СМИ, интернет), киберпространство (применение программ, нацеленных на причинение ущерба предприятиям промышленности и стратегически важным объектам, применение программ-шпионов), дипломатическое пространство,

внутриполитическое (использование противоречий в обществе от религиозных и межэтнических конфликтов до стычек футбольных фанатов), экономическое (применение санкций, попытки обвала экономики противника) [5].

В контексте исследования экстремизма, а именно его использования в качестве инструмента в гибридной войне, нас могут заинтересовать два пространства - информационное и внутриполитическое. В.А. Романова в своей работе «Информационная составляющая гибридных войн современности» рассматривает информационную войну как составную часть в ведении гибридной войны и в процессе анализа данных выводит ряд целей и задач, которые можно достичь с помощью ведения информационной войны. В ряду, состоящем из 12 пунктов, актуальными являются следующие:

- дезинформация мирового сообщества путём размещения в средствах массовой информации, преимущественно электронных, заведомо ложной и провокационной информации;

- распространение своей идеологии путём массированных атак на сознание граждан других государств, манипулирование их сознанием;

- вербовка сторонников, приоритетная среда: властная элита, молодёжь, наука и образование;

– внедрение в общественное сознание принципов необузданного потребления, стяжательства, атмосферы безнравственности, негативного отношения к своей истории и культуре;

– дестабилизация политической и экономической системы государства;

– распространение порочащих и клеветнических сведений о руководстве страны;

– создание состояния конфронтации между ведущими политическими силами государства;

– разжигание национализма, ксенофобии, расовой и религиозной ненависти;

– организация массовых беспорядков, протестных выступлений, экстремистских проявлений [6].

Вероятно, это и есть то самое «синтетическое единство», когда чётко видно, что одна часть войны приводит к другой. Рассмотреть внутриполитический аспект нам поможет пример событий, происходящих на территории Украины. В данном случае речь идёт не о самих боевых действиях на юго-востоке Украины, а о том, что происходило ранее в Киеве. Рассмотрев предпосылки возникновения подобной ситуации, можно прийти к выводу, что без экстремизации взглядов ряда граждан протест мог пройти в более мирном ключе. Так, И.Г. Ломко в своей работе «Предпосылки и особенности протестного движения в современной Украине» приводит инте-

ресные данные, например, что общая маргинализация населения привела к радикализации её взглядов. Автор разделяет предпосылки на внутренние и внешние. Что касается внутренних, то на протяжении всей истории (с момента получения Украиной независимости) происходил процесс деформации взглядов населения, о чём говорили многочисленные социологические исследования. Результатами этих деформаций стал огромный процент числа людей радикальных националистических взглядов; чуть более половины населения считает, что они находятся в нищете; значительный процент людей не доверяют президенту и правительству. Впоследствии все недовольные группы населения и составили «ударную силу», которая допустила большое количество жертв во время евромайдана (погибли 104 человека, обратились за помощью к медикам 1221 человек) [7].

Что касается внешних причин, исследователь объясняет возникновение радикальных взглядов вмешательством США посредством финансирования частными фондами и НПО оппозиционных организаций и СМИ, также работой американских специалистов по пропаганде и массовым коммуникациям [8]. А.О. Кондрашов и А.С. Розанов в своём исследовании отмечают, что так же во время кризиса в Украине помимо всех прочих причин свою роль в радикали-

зации сыграла проблема национальной идентичности украинцев [9].

Для более детальной иллюстрации того, что экстремистски настроенные люди являются лишь инструментом в современных доктринах ведения боевых действий, стоит перенестись в страны арабского мира. Это те страны, которые относительно недавно пережили (а некоторые всё ещё переживают) процесс смены режимов. В историю это явление вошло под названием «Арабская весна». Это явление затронуло Тунис, Египет, Йемен, Сирию, Ливию, Бахрейн, Алжир, Ирак, Иорданию и ряд других стран. В российских средствах массовой информации события из Египта, Сирии и Ливии описывались наиболее подробно.

В Ливии всё развивалось по примерно схожему сценарию. Массовые выступления с требованием освободить правозащитника (простое требование) на фоне ухода лидера Муам-

мара Каддафи (заведомо трудновыполнимое). Но после того, как требования были удовлетворены и правозащитник освобождён, протестующие не разошлись, а наоборот – вступили в столкновения с полицией, что в свою очередь даёт повод думать, что планы у радикалов изначально были совершенно иные. В Египте с момента начала протестов уже несколько раз успел смениться режим, а изначальные требования так и не были выполнены.

А.В. Кириллов в своей работе «Информационно-психологическое воздействие на массовое сознание посредством СМИ (на примере операций по информационному обеспечению (MISO) военных конфликтов начала XXI в.)» описывает приёмы, которые применяются в ходе ведения психологических операций против стран-жертв. Такими приёмами часто выступают фейки – поддельные видеоклипы, поддельные новости, суть

которых заключается в том, чтобы сформировать определённое мнение в сознании как можно большего числа людей.

Также автор отмечает большую роль популярных ресурсов, таких как Twitter (за революцией в Египте даже закрепилось её народное название – «твиттерная»), Facebook, YouTube не только в распространении пропагандистских материалов, но и в использовании алгоритмов, анализирующих информацию и вырабатывающих контрпропагандистские меры [10].

Смысл информационных кампаний понятен – формирование у населения определённой страны установок, которые были бы выгодны стороне, распространяющей информацию. После психологической обработки населения, при отсутствии должных контрмер, государство получает на территории своего противника огромный пласт радикально настроенных граждан – экстремистов, террористов, их пособников, других людей, готовых в любую минуту взять в руки оружие, отстаивая, как им кажется, свои интересы. С точки зрения гибридных войн, эта стратегия выглядит наиболее перспективной. И действительно – нет необходимости вводить свои войска на чужую территорию, привлекая внимание мирового сообщества, вводить экономическую блокаду или пресловутые санкции и опять же привлекать внимание.

Такие действия в современном мире будут либо нерентабельны, либо чрезвычайно дороги, даже для экономически сильных стран. Гораздо выгоднее сохранить все ресурсы на будущее, чтобы вооружённые силы не несли потерь, не было никакого серьёзного репутационного урона, народных волнений и пацифистских демонстраций на своей территории. Выгоднее потратить время, интеллектуальные и информационные ресурсы и в качестве результата получить силу в виде экстремистов, готовую выполнить поставленные задачи своими руками.

В заключение процитируем известный принцип Римского права: «Ищи того, кому выгодно». После Евромайдана, который смог состояться благодаря радикально настроенной украинской молодёжи, народ Украины не смог добиться полноценной евроинтеграции, зато получил обвал национальной валюты, ухудшение криминогенной обстановки, всеобщую мобилизацию, войну, отчуждение территории на юго-востоке страны, обнищание населения. В то время как те, кому был выгоден этот конфликт, получили возможность легального и легитимного ввода своих войск на территорию ныне подконтрольной страны, дабы сблизиться с границами Российской Федерации. И в качестве бонуса – контролировать всю политиче-

скую, экономическую и социальную жизнь Украины. Ливийский народ после свержения и убийства своего лидера получил обнищание и разделённую страну, в которой правят вооружённые банды и где еженедельно гибнет около сотни человек. США получили бесконтрольный доступ к нефти. Ну, а в Египте США видит мощного союзника в регионе с потенциально сильной армией, торгового партнёра и страну, обеспечивающую выход к Суэцкому каналу. Какие бы инструменты ни использовались в гибридной войне, смысл остаётся всё тот же – борьба за ресурсы и влияние, но имея инструментарий и методики, можно выработать эффективные методы противодействия, которые бы в полной мере отвечали требованиям, навязанным развитием концепции гибридных войн.

Литература и ссылки:

1. Сазонова К.Л. «Гибридная война»: международно-правовое измерение // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 4. С. 177-187.

2. Миражи гибридной войны // сайт: life.ru (25 июня 2017) URL: https://life.ru/t/%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F/1014865/mirazhi_ghibridnoi_voiny (дата обращения: 18.09.2018).

3. Фридман О. «Гибридная война» понятий [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ghibridnaya-voyna-ponyatiy>

4. Коноплева А.А., Веремьев А.С., Чобитько С.П. Гибридная война как

современный социокультурный феномен // Манускрипт. 2018. № 7(93) С. 86-89.

5. Акулинин В.Н., Епифанова Н.С. Концепция гибридной войны в практике межгосударственного противостояния // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. С.53-60.

6. Романова В.А. Информационная составляющая гибридных войн современности // Государственное и муниципальное управление. Учёные записки СКАГС.2015. №2 С.293-299.

7. Число погибших во время массовых акций протеста на Украине выросло до 104 человек // сайт: newsru.com (13 марта 2014) URL: https://www.newsru.com/world/13mar2014/ukr_3.html (дата обращения: 02.10.2018).

8. Ломко И.Г. Предпосылки и особенности протестного движения в современной Украине // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2015. Т.15, вып.1, С. 62-68

9. Кондрашов А. О., Розанов А. С. Национальная идентичность и её использование в информационной войне (на примере политического конфликта на Украине) // Ценности и смыслы. 2017. № 6 (52). С.67-81.

10. Кириллов А.В. Информационно-психологическое воздействие на массовое сознание посредством СМИ (на примере операций по информационному обеспечению (MISO) военных конфликтов начала XXI в.) // Армия и общество. 2012. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionno-psihologicheskoe-vozdeystvie-na-massovoe-soznanie-posredstvom-smi-na-primere-operatsiy-po-informatsionnomu> (дата обращения: 18.09.2018).

Межнациональные конфликты в ракурсе методологии межэтнической напряжённости

Очергоряева Джиргал Викторвна – магистрант второго года обучения Южного федерального университета, участник регионального общественного движения «Интернет без угроз»

Межнациональные отношения – это всегда динамичная сфера, которая неминуемо изменяется и трансформируется в силу развития социальных, экономических, политических, демографических и миграционных процессов. И для страны, в которой проживает 193 народа, разговаривающих на 277 языках и диалектах, исповедующих десятки религий, проблемы в сфере межнациональных отношений всегда актуальны.

Сбалансированная национальная политика Российской Федерации направлена на укрепление единства российской нации и гармонизацию межэтнических и межнациональных отношений. В нашем государстве сегодня формально не отмечено насильственных конфликтов на национальной почве, но, тем не менее, существует тенденция их возникновения, поскольку существуют очаги напряжённости.

За последнее десятилетие в России произошёл ряд межнациональных конфликтов, которые вызвали резонанс в прессе

и обществе. В 2013 году московский район Западное Бирюлёво и город Пугачёв Саратовской области захлестнула волна массовых выступлений. Причина – убийство выходцами с Кавказа местного жителя. До сих пор остается спорным вопрос, считать эти конфликты межнациональными или же бытовыми. Событийно «Пугачёвский бунт» схож с произошедшим в Кондопоге в 2006 году. Тогда конфликт, возникший в ресторане между официантом-азербайджанцем и двумя посетителями в состоянии алкогольного опьянения, привел к убийству четырёх местных жителей вызванными официантом выходцами с Кавказа и к митингу, участники которого требовали выселить всех мигрантов.

В 2016 году возник конфликт по причине осквернения статуи Будды в Элисте, Республика Калмыкия. Вскоре после инцидента элистинцы пришли к гостинице, где во время соревнований проживала команда спортсменов из Республики Дагестан, и потребо-

вали от нарушителя извинений. Инцидент был урегулирован на уровне глав республик. Все эти происшествия наглядно показывают высокую степень этномобилизации, наличие протестных настроений и готовность к действиям при возникновении внешних угроз. Бесспорно, данные факторы необходимо учитывать при изучении природы межнациональной напряжённости.

К межнациональным конфликтам и напряжённости добавились новые угрозы, связанные с распространением идеологий экстремизма и терроризма. В последние десятилетия радикальные веяния распространяются через сеть Интернет, где легко наладить непосредственный контакт с молодёжью с целью вербовки

Мы видим, что разжигание ненависти либо вражды, унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, теперь проявляются на просторах сети Интернет, ставя под угрозу единство и безопасность России. Это отметили эксперты рейтинга межнациональной напряжённости: «...нарастание интернет-экстремизма, обострение дискуссий в сети, появление ранее не существовавших оскорблений по этническому признаку; ряд экспертов высказали гипотезу о целенаправленном и управляемом процессе

наращивания межнациональной напряжённости в интернете» [1].

Все вышеперечисленные факторы характеризуют столь динамичные, неустойчивые межнациональные отношения, которые нуждаются в постоянном мониторинге со стороны правительства страны и гражданского общества. В настоящий момент это отражается в актуализации разработки методик и программ исследований, нацеленных на получение объективных прогнозов состояния межнациональной напряжённости.

С этой целью по поручению Президента РФ было разработано Постановление Правительства Российской Федерации «О государственной информационной системе мониторинга состояния межнациональных и межконфессиональных отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций». Одной из основных задач в нём названа оценка, анализ и прогнозирование возникновения угроз межнациональных и межконфессиональных конфликтов. По мнению авторов документа, постоянный мониторинг и изучение этносоциальных процессов, а также прогнозирование потенциальных угроз позволят обеспечить своевременное реагирование на назревающий или провоцируемый конфликт.

Актуализация исследований этнических процессов подтверждается также возросшим количеством работ на тему этносоциальных конфликтов и межнациональной напряжённости. Данная тематика освещается в коллектив-

ных монографиях, исследовательских проектах, научных статьях.

Всё это в общем итоге объясняет пристальное внимание к исследованию данного феномена, который имеет различные формулировки и подходы к изучению.

Разграничение понятий межэтническая напряжён- ность и межэтнический кон- фликт, напряжённость и конфликт

Понятие «напряжённость» достаточно часто используется в обществе и прочно вошло в научный обиход. При употреблении термина «напряжённость» возникает ассоциация в первую очередь с таким понятием, как «конфликт».

Конфликт и напряжённость присущи любому обществу, независимо от национального состава, религии, расы. И конфликт, и напряжённость характеризуются нарушением баланса взаимоотношений в обществе, что пагубно влияет на идентичность гражданина, вызывая раскол массового сознания на множество этнических идентичностей. В частности, речь идёт о таком расколе, который преобразует социальную напряжённость в межэтническую.

Об общих чертах можно говорить много, но нам важно показать разницу этих, на первый взгляд похожих, понятий и того, почему так важно отказаться от устойчивой негативной характеристики понятия «напряжённость».

В современной научной литературе разработано достаточное количество теоретических подходов к изучению феномена межэтнической напряжённости. При ознакомлении с ними оказалось, что парадигмы российской и западной научной мысли противоположны. Так, конфликтологическая парадигма определяет межэтнический конфликт как наивысшую стадию напряжённости в отношениях между этносами [2]. В то время как западная парадигма предлагает рассматривать напряжённость как этап процесса общей конфликтной динамики. Сеть по предотвращению конфликтов Европейской комиссии (Conflict Prevention Network of the European Commission) разработала шаблон конфликтного цикла, включающий четыре основных стадии: стабильный мир, нестабильный мир, высокая напряжённость и открытый конфликт [3].

Несмотря на то, что парадигмы разные и предлагают рассматривать эти два понятия как взаимосоставляющие, сохраняется единая тенденция зависимости и неразрывности конфликта и напряжённости. В связи с этим через исследование межнациональных конфликтов возможно изучение межэтнической напряжённости, и наоборот.

Конфликт, как отмечено в монографии «Индекс региональной напряжённости», представляет собой относительно редкую, краткую и экстраординарную разновидность взаимодействий, а напряжённость, рассматривается

как динамическая характеристика не только отношений конкуренции и соперничества, но и отношений кооперации и сотрудничества.

З.А. Жаде отмечает, что понятие «межэтническая напряжённость» не обладает таким отрицательным смыслом, как понятие «межэтнический конфликт», и может являться атрибутом общества, в котором одновременно представлены позитивные и негативные стереотипы и идентичности, обуславливающие единую направленность на межэтническое взаимодействие. По её мнению, межэтническую напряжённость можно рассматривать «как характеристику межэтнических отношений, при которых национально-этнические группы или их отдельные представители находятся в отношениях некоторой оппозиции, соперничества или конкуренции» [4].

«Напряжённость часто предшествует конфликту и всегда включена в него, она не является синонимом конфликта и не обязательно не согласуется с сотрудничеством» [5].

Таким образом, можно говорить о том, что межэтническая напряжённость понимается как характеристика, равно как и оценка гармоничных/ дисгармоничных межнациональных отношений, и имеет следующие свойства:

– межэтническая напряжённость, в отличие от понятия «межэтнический конфликт», не имеет негативного и оценочного содержания;

– межэтническая напряжённость транслирует специфику ситуации в исследуемом регионе, где межнациональные отношения изначально строятся на основе толерантности и терпимости;

– межэтническая напряжённость очень редко становится самостоятельным объектом исследований, отдельным от межнационального конфликта; из-за связи с этим явлением напряжённость и приобретает негативную окраску;

– межэтническая напряжённость присуща во всех состояниях отношений акторов: соперничество и конкуренция, кооперация и сотрудничество.

Факторы, влияющие на степень межэтнической напряжённости

Проблема межэтнической напряжённости имеет взаимосвязанные и взаимовытекающие измерения, которые представлены разными комбинациями влияющих факторов. Одними из самых острых факторов, на наш взгляд (это отмечают и другие исследователи), являются ухудшение социально-экономической ситуации в стране, миграция и стабильность этнической структуры населения. Мы выделили эти факторы в одну комбинацию неслучайно. Это объясняется их взаимосвязью: безработица и слаборазвитая экономика региона, которая не в силах покрывать расходы своего бюджета собственными доходами, является основной причиной вну-

тренней и внешней трудовой миграции. Массовая миграция вызывает беспокойство местного населения, убеждённого в том, что в целом миграция нежелательна, поскольку приезжие дестабилизируют выработанную этническую структуру рынков труда, оказывают влияние на уровень заработной платы и вытесняют местных жителей, занимая рабочие места. Соответственно, усиливаются синдромы интолерантности у коренных жителей и прибывающих групп мигрантов, что увеличивает межэтническую напряжённость, угрожает обширным межнациональным конфликтом. И чем длительнее проживание и стабильнее отношения этнических групп, тем тяжелее будет проходить процесс адаптации мигрантов.

В основном межнациональные конфликты связаны с приезжими с Северного Кавказа и Закавказья и мигрантами из Средней Азии. Отсюда вытекает следующий фактор, заключающийся в специфике межкультурных взаимодействий. В отчётных материалах проекта «Социально-экономические и социально-культурные предпосылки напряжений и конфликтов в сфере межнациональных отношений» отмечается, что респонденты, проживающие в разных регионах, обращают внимание на поведение дагестанской молодёжи, которое характеризуется как «уличное» доминирование. Оно выражается в игнорировании норм поведения, неуважительном отношении к женщи-

нам. Это вызывает неодобрение со стороны местного населения и повышает вероятность возникновения вигилетного конфликта между местной этнической общиной и этническими мигрантами. Данные конфликты влияют на распространение националистических настроений, этнической неприязни и ксенофобии. Конфликт возникает по инициативе местного населения в ответ на девиантное поведение мигрантов. Типичным примером может послужить вышеупомянутый конфликт в Западном Бирюлёво (г. Москва).

Ещё одним фактором, влияющим на степень межэтнической напряжённости, выступает негативная публичная риторика и деятельность СМИ. Негативная риторика предполагает высказывание в любых формах гражданами явно неодобрительных характеристик других этносов, подчёркивание их обособления, демонстративную делегитимацию других этносов. Иногда освещение журналистами чувствительных этнических вопросов только усугубляет конфликт, это происходит в первую очередь из-за низкого уровня информированности, в результате чего журналисты публикуют искажённую информацию. Примером могут служить новостные репортажи, освещавшие конфликт в Элисте, в которых каждый раз менялось место происшествия и ход действия конфликта, и которые подкреплялись фотографиями, не имеющими никакого отношения к этому делу.

Не последнюю роль в формировании напряжённости играет межэтническая коммуникация этносов, проживающих на одной территории. Как правило, проблема взаимодействия этносов возникает в случае наложения этнических ментальностей. Кроме того, уровень этнической напряжённости зависит от структуры и содержания межнациональной коммуникации, особенностей культуры общностей и исторического характера отношений между ними. Данные составляющие присутствуют в форме мнений и убеждений по поводу существующей практики межэтнических отношений в государстве, этнокультурных установок, поведенческих моделей, а также в виде отдельных фрагментов исторической памяти этноса, включающей оценочное знание исторических событий в сфере межэтнических отношений.

В нашей работе мы рассмотрели лишь малую часть причин, вызывающих межэтническую напряжённость. При их изучении необходимо понимать и принимать во внимание, что природа напряжённости представляется противоречивой и очень сложной. Поэтому в дальнейшем мы планируем изучать факторы напряжённости, подразделяя их на основные (общие), присущие всем регионам страны, и специальные (дополнительные), характерные для отдельных субъектов. Также необходимы изучение и анализ теоретических подходов, анализ этноконфессио-

нальной ситуации в стране, разработка методов исследования. Важность данной темы сложно переоценить, поскольку оценка состояния межнациональных отношений в России, выявление факторов, вызывающих напряжённость, помогают прогнозированию и ранней диагностике межнациональных конфликтов.

Литература и ссылки:

1. Гроздьба гнева. Рейтинг межэтнической напряжённости регионов России [Электронный ресурс] // Федеральная экспертная сеть «Клуб регионов» [сайт]: <http://club-rf.ru/thegrapesofwrath/02/> (дата обращения: 21.10.2018).

2. Карабаш И.В. Межэтническая напряжённость и конфликты в современной России: основные теоретико-методологические концепции // Теория и практика общественного развития. 2013. № 12. С. 153–156.

3. Индекс региональной напряжённости. Северо-Восточная Азия 2017 / С.К. Песцов, А.В. Волыничук. - Владивосток: ЦАТИ ИИАЭ ДВО РАН, 2018. - 95с.

4. Жаде З.А. Специфика проявления межэтнической напряжённости в местах компактного поселения курдов в Республике Адыгея // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. I. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. Вып. № 3 (124). 2015. С. 194–200.

5. Mohhammad Reza Hafeznia, Rebaz Ghorbaninejad, Zahra Ahmadipour and Abdolali Gvaham. Tension and Conflict Theories between Countries: Review, Critique and Presenting a Theoretical Model // Geopolitics Quarterly. Winter 2014. Vol. 9. No 4. P.p 2-3.

Психологические аспекты противодействия экстремизму и терроризму

Хромов Виталий Дмитриевич – магистрант второго года обучения Южного федерального университета, участник регионального общественного движения «Интернет без угроз»

В последние годы экстремистская деятельность и террористические акты являются суровой реальностью для мирового сообщества. Террористы наносят большой политический и экономический ущерб множеству стран, становятся причиной гибели невинных людей, а также оказывают тяжелое психологическое воздействие на общество. Так, по данным Европола, только за 2016 год в восьми странах Европейского Союза произошло порядка 142-х террористических актов, немалая часть которых повлекла за собой множество смертей и ранений невинных людей: 142 человека погибло, еще 379 были ранены [16].

Анализируя развитие этого вида преступлений в мире, можно утверждать, что с каждым днём террористические акты и экстремистские деяния становятся всё более организованными и опасными. Примеры тому – теракт в Норвегии 22 июля 2011 года, серия терактов в Бельгии, произошедших 22 марта 2016 года, теракты в Ираке, взрыв в Санкт-Петербурге 27 декабря

2017 года и т.д. В связи с этим значительно возрастает актуальность изучения психологических аспектов терроризма и экстремизма, поскольку силовые методы борьбы с терроризмом не могут устранить угрозу в полной мере. Успешная борьба с такими преступлениями зависит от понимания сущности данного явления, от изменения психологии людей и формирования антитеррористической и антиэкстремистской идеологии.

Исследованием этой проблемы на современном этапе развития психологических наук занимаются такие специалисты, как В.А. Соснин, Н.Д. Кострубьяк, А.Г. Караяни, М.В. Виноградов, М.А. Григорьев, М.Ф. Секач, Э.Л. Боднар и многие другие. Мнения и результаты исследований специалистов в области изучения сущности явления терроризма и экстремизма различны, однако в них прослеживается общая тенденция.

Так, В.А. Соснин считает, что вербовка радикалов – это сложный процесс, где активно используется прак-

тическая психология с целью выявить психически уязвимых людей и «надавить» на них [14]. Н.Д. Кострубьяк утверждает, что формирование у людей мотивов, побуждающих их к террористической и экстремистской деятельности, происходит внутри самой личности под действием таких факторов, как культурно-нравственное отношение личности к себе и окружающему миру, возникновение противоречий между жизненными установками и происходящим вокруг и т.д. [8].

А в соответствии с психолого-психиатрической классификацией террористов М.В. Виноградова, среди них можно выделить три основных типа: генетические садисты с наклонностями ярко выраженного характера, генетические садисты с относительно скрытыми наклонностями и случайные люди, которые попали в террористические или экстремистские организации по воле случая [3]

В целом же современные исследователи отмечают, что психологическому воздействию со стороны радикалов подвержены молодые люди за счёт их низкого уровня самосознания и самоанализа, находящиеся в так называемых «группах риска» (серьёзные переживания в связи с тяжёлыми жизненными условиями и, как следствие, психологическая уязви-

мость). Всё это используется преступниками для вербовки новых экстремистов в свои ряды и распространения своей идеологии.

Как показывает практика прошедших десятилетий, традиционные меры профилактики и противодействия террористической и экстремистской деятельности, реализуемые правоохранительными органами и службами безопасности, не могут полностью искоренить данное явление. В этой связи немаловажно понимание психологической стороны этого вида преступлений. Для понимания психологии терроризма и экстремизма важны мотивы, побуждающие людей к подобной деятельности. В её основе лежит определённый субъективный смысл, психологический выигрыш для преступника, поскольку далеко не всегда причиной служат корыстные побуждения.

Приходится констатировать, что на сегодняшний день в психологии не существует единого ответа на вопрос, что именно приводит человека в «сети экстремистских организаций»: скрытые расстройства личности, дефекты развития, употребление психоактивных веществ или прямое психологическое воздействие.

Многие современные исследователи сходятся во мнении, что основной мотив, побуждающий людей к экстремистской деятельности и терроризму – это «идейный абсолютизм». Иными

словами, человек убеждён в том, что у него есть «рецепт» для спасения своего народа и всего человечества, а своими действиями он приносит в мир добро и очищение. В основе таких убеждений может также лежать попытка самоутвердиться в обществе, молодёжный героизм и романтика, способ преодоления собственной ущербности и выход из «области отчуждения». Встречаются и иные подходы к обоснованию мотивов подобных деяний. Так, например, Ю.М. Антонян считает, что это может быть стремление к собственной смерти, жертвоприношение «в угоду светлomu будущему» [1].

Помимо определённой выгоды, будь то материальные ценности или моральное удовлетворение, действия человека во многом зависят от принятых в обществе норм. Человек может принимать, отвергать эти нормы или принимать их не полностью. Это позволяет сделать вывод о том, что в основе экстремистской и террористической деятельности зачастую лежит желание нарушить общественные принципы, внедрив при этом собственные. Используются при этом, как правило, насильственные методы.

С помощью преступной деятельности человек может стремиться разрушить установленные обществом правила и нормы, а взамен попытаться ввести правила собственные,

своей социальной группы, партии и т.д. Причём для преодоления устоявшегося общественного порядка он способен использовать насильственные способы борьбы (политические убийства, захват заложников, диверсии и др.) [1].

Мотивы же личности всегда движимы её потребностями. Каждый человек вступает в террористическую или экстремистскую организацию по какой-то причине, в связи с чем возрастает важность понимания этих причин для людей. Наибольшую роль играют групповые факторы, связанные с базовыми социальными потребностями людей. Не менее распространённой причиной зарождения преступных мотивов является конфликт между несколькими субъектами, индивидами или группами.

Как справедливо отмечает Э.Л. Боднар, возникновению терроризма в общем случае способствуют четыре основные категории потребностей и мотивов:

- трудные условия жизни, т.е. отсутствие возможности удовлетворения базовых физиологических потребностей в пище, здоровье и т.д.;

- чрезмерно преувеличенный страх, который основывается на искажённом восприятии действительности;

- потребность в самореализации;

- потребность в социальном признании и уважении, прояв-

ляющаяся в необходимости признания иными группами в социуме своего религиозного, этнического, культурного группового членства [15].

При этом первая причина усиливается существенным разрывом между неимущими и имущими людьми во множестве стран, что приводит к образованию и поддержке террористических и экстремистских групп. Страх может зарождаться в связи с экстремально-эмоциональным реагированием на потенциальный источник угрозы, что не позволяет трезво оценить ситуацию, формируя в сознании образ «злейшего врага». Вследствие этого, страх приводит к неадекватной реакции и сужению сознания. Потребность в самореализации проявляется в необходимости принимать собственные и независимые жизненные решения с целью достижения свободы и счастья. Множество повстанческих и террористических организаций, сформировавшихся под влиянием этой потребности (стремление к обретению политической власти, автономии), являются тому наглядным примером.

В целом, большинство исследователей обращают внимание на то, что основной характерной чертой террориста является комплекс неполноценности, который и обуславливает возникновение агрессии, жестокого поведения. У личностей, склонных к всту-

плению в террористические и экстремистские группировки, также зачастую наблюдается низкая самоидентификация, которую они пытаются компенсировать преступной деятельностью. Большинству террористов также присущи абсолютизм, максимализм, дилетантизм в области политики и психологии. Всё это позволяет радикалам «завлекать» уязвимых людей в сети терроризма и экстремизма.

Виды психологического воздействия и методы вербовки в ряды радикалов

Проблема вербовки людей сегодня интенсивно обсуждается в СМИ с самыми разными интерпретациями, особенно в связи с анализом феномена ИГИЛ (запрещённой в России террористической организации). По данным Европола, с каждым днём всё большее количество детей и женщин принимают участие в совершении террористических актов, играя в них ключевую роль. Также сообщается, что наибольшее число задержанных террористов являются приверженцами исламизма [16]. Психологов часто спрашивают, почему люди соглашались на вербовку в сети терроризма? К.Г. Горбунов считает, что это в первую очередь вопрос мировоззрения, психологии личности человека, его изучения и использования психологических особенностей

(особенно недостатков) вербовщиками в тоталитарные секты или террористические структуры [6].

Тем не менее, несмотря на то, что вступление человека в террористическую или экстремистскую организацию во многом зависит от его личностных особенностей, технологии на современном этапе их развития значительно облегчают задачу вербовки радикалов.

Наиболее простым, эффективным и распространённым средством вербовки радикалов сегодня является глобальная сеть Интернет, за время своего существования проявившая себя как универсальное средство коммуникаций, объединившая на своём пространстве разных людей по всему миру. Развитие современных технологий позволило сделать интернет доступным и простым в обращении, но в этом же кроется и его опасность: глобальная сеть повсеместно используется в террористических и экстремистских целях.

Чаще всего в интернете можно встретить пропаганду экстремистских и террористических идей. Как правило, это осуществляется при помощи мультимедийных каналов коммуникации, посредством создания общедоступных интернет-сайтов и т.д. Преступники выкладывают в открытый доступ практические рекомендации, инструкции по созданию взрывчатых веществ, распро-

страняют свою идеологию, подталкивают людей к совершению террористических актов. Так, согласно докладу Министерства внутренней безопасности США, лишь на 2016 год число сайтов, пропагандирующих терроризм и экстремизм составляло приблизительно 7 тыс. [20].

Нередко террористы и экстремисты используют социальные сети для «вербовки новых рекрутов»: Twitter, Вконтакте, Facebook и множество других. Используются данные медиаплощадки всё в тех же целях – радикалы занимаются поиском психологически уязвимых людей для установления контакта и воздействия на них, создают тематические группы для пропаганды терроризма и экстремизма и т. д. Только за 2016 год администрацией социальной сети Twitter было удалено более 235 тыс. экстремистских аккаунтов [19]. Как отмечает А.П. Кошкин, «При многомесячной осторожной, но настойчивой обработке вербовщиками-профессионалами молодой мозг студентов становится послушным, как пластилин, и поддаётся «творцу ваших интересов» в изощрённых поисках истины. В один прекрасный момент появляется тот, кто агрессивно повествует, что судьбоносный час настал – необходимо ехать туда, куда скажут. И вчерашний студент или студентка едут втайне даже от родителей» [9].

И это далеко не исчерпывающий перечень методов, используемых для вербовки радикалов в сети Интернет. Нередко экстремисты ведут прямые трансляции, снимая свои преступления на видео, которое в дальнейшем распространяется по всему интернету. Создаются также тематические мультфильмы, онлайн-видеоигры и т.д. Следует согласиться с О.С. Игошиным, который утверждает, что «интернет для террористов на данный момент является одной из основных и наиболее гибких площадок для вербовки пособников» [7].

Для вербовки радикалов сегодня широко применяются и иные средства массовой коммуникации. Также преступники в своих целях могут использовать все жанры искусства, такие как поэзия, литература, театр, изобразительное искусство и др. Всё это, как правило, необходимо для формирования «образа врага» в сознании людей, искажения их политических взглядов. Причина в высокой степени внушаемости молодёжи и подростков, а также в их низком уровне критического мышления и самоанализа. Кроме того, зачастую проще всего «обрабатывать», оказываются, психологически уязвимых личностей, людей, находящихся в трудной жизненной ситуации и пребывающих в состоянии тревоги и т.д. [5]. Они легче поддаются манипуляциям,

стремятся получить материальную и психологическую помощь от авторитетных людей, что облегчает задачу их вовлечения в террористические и экстремистские группировки.

Также можно выделить некоторые первичные методы вербовки радикалов, среди которых часто применяются «бомбардировка любовью» и «мистификация». Первый метод представляет собой оказание моральной поддержки человеку (используются при этом, как правило, социальные сети), что позволяет наладить более тесные коммуникативные контакты с потенциальным радикалом. Как и в случае с иными методами, наиболее уязвимыми являются личности, переживающие какого-либо рода кризис [12]. Мистификация же заключается в следующем: члены преступной организации открыто заявляют о своей связи с божественными силами или же о наличии у них сверхъестественных способностей, дающих им превосходство над другими людьми. Этот приём может располагать к себе потенциальных членов секты и помогает в управлении боевиками, которые будут действовать под страхом «кары свыше».

В последнее время также возрастает популярность вербовки заключённых в террористические и экстремистские организации. Специалисты из Российского института стра-

тегических исследований В.В. Иванов и Р.Р. Сулейманов обращают внимание на участвовавшие случаи вступления заключённых в террористические группировки [17, 18]. При этом нередко происходит вербовка людей немусульманской культуры. Заключённые могут становиться жертвами вербовщиков как сразу, под влиянием их пропаганды, так и «поэтапно», сначала принимая ислам и лишь затем становясь приверженцами террористических и экстремистских идей. Причины, по которым лица, отбывающие наказания в местах лишения свободы, становятся членами преступных организаций, довольно просты: психологическое давление со стороны авторитетных сокамерников, распространение идеологии терроризма, предоставление заключённым дополнительных материальных благ на правах принятия таких идей. Более того, исламисты, устраивая беспорядки, заставляют заключённых обратить внимание на их «отважность и стремление к справедливости» [13, с. 3].

Таким образом, стремительное развитие психологических средств и методов, используемых террористами и экстремистами в современных условиях вместе с широким привлечением информационных технологий, сегодня составляет большую проблему для мирового сообщества и

порождает необходимость разработки соответствующих методов психологического противодействия идеологии терроризма и экстремизма.

Методы индивидуального психологического противодействия и дерадикализации

Один из методов психологического противодействия экстремизму и терроризму, используемых сегодня – это пенитенциарная профилактика, которая представляет собой совокупность психологических и криминологических мер с целью оказания психологического воздействия на лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы за преступления террористического характера. Иными словами, это профилактика терроризма, направленная на «искоренение» подобного мышления и исключение повторения ими совершённого. Принцип данного метода основывается на том, что террористы и экстремисты, как правило, являются носителями специфических систем ценностей. Так, в соответствии с результатами исследования, проведённого Г.Т. Кужабаевой, около 90% лиц, осуждённых за преступления террористического характера, исповедуют ислам, в то время как всего 10% являются неверующими [10]. Такие террористы, как правило, считают себя

«совершенством» лишь на основании принадлежности к определённой этнорелигиозной группе. И чтобы доказать правильность этого суждения, они совершают нападения и нарушают общественные устои.

Успешность проведения профилактических мероприятий зависит во многом от индивидуального воздействия на заключённых, с учётом их эмоционального склада, уровня самооценки, системы ценностей и множества иных факторов.

Следует также подчеркнуть, что представители традиционных конфессий, как правило, помогают «реабилитироваться» лицам, отбывающим наказание за террористическую и экстремистскую деятельность, пропагандируя основные ценности христианства. Как правило, это позволяет повысить уровень сознательности и подготовить заключённых к ресоциализации

Немаловажным средством выявления склонностей к терроризму и экстремизму у человека является так называемый метод проектирования. Проведённый анализ характера индивида позволяет с определённой вероятностью спрогнозировать его дальнейшее поведение, поскольку оно по своей сути отражает его смысл жизни, формируя

мотивы и побуждая к тем или иным действиям. В связи с этим, ряд черт характера может являться свидетельством наличия мотивов к совершению террористических актов или вступлению в экстремистские организации. Так, если человек привлекался к уголовной ответственности за насильственные преступления или же имеет склонности к насилию в повседневной жизни, можно полагать, что он будет придерживаться этих же методов в политической деятельности, при распространении религии, которую он проповедует и т.д.

Следует также упомянуть, что террорист, если он не является социопатом, будет ощущать сильный страх, тревогу и волнение непосредственно перед террористическим актом. На это необходимо обращать внимание. Названные состояния можно фиксировать по мимике, резким движениям, поворотам головы. Характерной особенностью поведения подрывников зачастую является заметное возбуждение, сопровождаемое обильным выделением пота, повышенным вниманием к окружающей обстановке.

К.Г. Горбунов считает, что показателем заинтересованности и формирования мотивов террористической и экстремистской деятельности может служить проявление интереса к способам совершения подобных акций, к литературе,

инструкциям или документам террористических организаций, где изложена идеология терроризма, а также способы осуществления террористических актов и т.д. [6].

Ещё один метод индивидуальной профилактики и устранения экстремистских идей, который широко используется в современных условиях среди обучающихся высших учебных заведений – это формирование психологической культуры. Данный профилактический метод строится на особенностях личности молодёжи: для неё характерен высокий уровень эмоциональной возбудимости, вспыльчивость, трудности в решении конфликтов и сложных жизненных ситуаций. Е.Г. Воронцова обращает внимание на то, что многие люди в молодом возрасте являются крайне неадаптированными к жизни, а также обладают низким уровнем духовно-нравственного и культурного развития [4]. В связи с этим возрастает роль вузов в формировании личности и психологической культуры, поскольку мировоззрение и система ценностей создаётся именно при взаимодействии личности и общества.

Так, изучение психолого-педагогических дисциплин формирует у студентов логическое мышление, способствует развитию их способностей самостоятельного принятия решений, самоанализа. Кроме того, у молодых людей, изуча-

ющих данные дисциплины, накапливаются знания об особенностях индивидуально-психологических характеристик, что помогает им лучше понять себя и окружающий мир.

Помимо этого, предотвратить формирование идей экстремизма и терроризма позволяет и активная внеучебная деятельность (создание клубов по интересам, творческая деятельность студентов, направленная на развитие самосознания и толерантности и т.п.). Всё это способствует созданию и развитию психологической культуры в молодёжной среде, которая обеспечивает становление системы индивидуальных психологических представлений, жизненного опыта и увлечение новыми видами проведения досуга. И, что самое главное, способствует получению навыков саморегуляции эмоций и самостоятельного решения жизненных проблем.

Ограниченность методов психологического противодействия экстремизму и терроризму и перспективы её преодоления

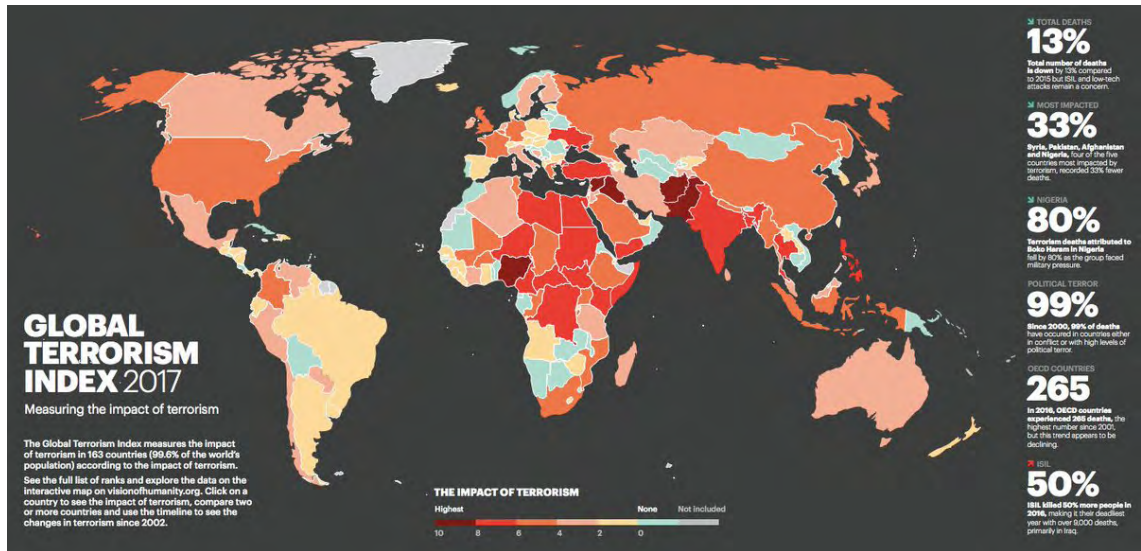
Современные методы противодействия зарождению идей экстремизма и терроризма не совершенны. Например, препятствием на пути к успешному формированию психологической культуры в моло-

дѣжной среде обучающихся в вузах является нежелание самих студентов объединяться в клубы по интересам, о чём свидетельствует малое количество участников в них. Одна из основных причин – это несовершенство системы образования во множестве стран. Отечественная система образования в течение многих лет подготавливала узкопрофильных специалистов для удовлетворения потребностей рынка. Но в то же время, духовно-нравственные ценности в такой системе игнорировались. Это, в свою очередь, способствовало формированию культуры потребления, развитию иждивенчества у молодѣжи, желанию заполучить необходимые материальные блага, невзирая на последствия и способы их получения, а также отсутствию интереса к духовно-нравственным ценностям. Всё это осложняется ещё и тем фактом, что вербовка боевиков зачастую происходит при помощи обещаний быстрого обогащения. Решением этой проблемы может послужить наполнение гуманитарных дисциплин общественно значимыми установками, ценностно-мировоззренческими и общественно приемлемыми жизненными ориентирами и др. Это «заложит психологическую основу», которая не позволит человеку поддаться на провокации и вступить в экстре-

мистскую организацию под действием психологического давления.

Кроме того, в современных реалиях, в условиях стремительно развивающихся систем социальной коммуникации, образовательные технологии, считавшиеся результативными 10 или даже 5 лет назад, могут характеризоваться как крайне неэффективные. В этой связи противодействие вербовке молодых людей в ряды экстремистов и террористов должно быть сопоставимо с высоким уровнем развития информационных технологий, а посыл, доносимый до людей, должен звучать убедительно, аргументированно и, что самое главное, быть намного более доступным, чем источники распространения незаконной информации и пропаганды. В настоящее время это осуществляется путѣм реализации комплекса мер по информационному противодействию вербовки молодѣжи в экстремистские и террористические структуры, который основан на применении практической психологии вкупе с современными технологиями и СМИ.

Ещё одна проблема, препятствующая реализации профилактических методов борьбы с терроризмом и экстремизмом – это разрыв между имущими и неимущими людьми во многих государствах. Большая часть населения таких стран не имеет возможности получать образование, тем самым

расширяя свой кругозор, а также не имеет материальных жизненных ресурсов (т.е. фактически им «нечего терять»). Всё это приводит к тому, что неимущие люди становятся кандидатами для вступления в экстремистские и террористические группировки и организации, поскольку такие личности с трудом поддаются психологическим методам переубеждения и профилактики. Это предполагает необходимость развития информационного противодействия вербовке неимущих людей в экстремистские структуры за счёт доступного донесения информации, а также защиты информационно-коммуникативных сетей [2].

Что касается профилактики террористических идей в местах лишения свободы, повысить эффективность данного

метода противодействия может изолирование приверженцев таких идей с лишением их возможности контактировать с потенциальными экстремистами и психологически уязвимыми лицами.

В целом же преодолению проблем, стоящих перед психологическими методами противодействия терроризму и экстремизму, могут послужить следующие направления деятельности как общественной, так и государственной:

- расширение использования информационных ресурсов для предупреждения вступления людей в ряды радикалов;

- создание благоприятных научных, технических, кадровых, финансовых и иных условий для противодействия вступлению молодых людей и людей, находящихся в «группе риска», в терро-

ристические и экстремистские организации;

– индивидуальное формирование морально-психологической устойчивости, бдительности, сплочённости, личной ответственности и чувства патриотизма;

– развитие студенческих объединений, их популяризация, а также обучение их участников методам противодействия вовлечению студенческой молодёжи в преступные ряды;

– отделение радикально настроенных заключённых от остальных в местах лишения свободы [1].

Таким образом, противодействие экстремизму и терроризму должно соответствовать комплексу предупредительных и профилактических мер, где немаловажную роль играют психологические аспекты данного явления. Этот комплекс должен формировать ценностные установки, которые закладывают в сознание людей понимание того, что участие в деятельности экстремистских и террористических организаций – это противоправное, не престижное и «мерзкое» деяние.

Государства с целью профилактики терроризма и экстремизма должны влиять на граждан, находящихся в трудных жизненных условиях посредством распространения идеи патриотизма в СМИ, оказывать им моральную и материальную помощь, а также показы-

вать будни людей, отбывающих наказание в местах лишения свободы за участие в деятельности террористических группировок. В умах людей, в первую очередь молодых, должно сформироваться осознание неотвратимости наказания за такие действия, что снизит привлекательность вступления в террористические и экстремистские организации.

Литература:

1. Антонян Ю.М. Психология преступника и расследования преступлений / Ю.М. Антонян, М.И. Еникеев, В.Е. Эминов. М.: Юрист, 1996. 336 с.

2. Бочарников И.В. Информационное противодействие терроризму в современных условиях / И.В. Бочарников // Проблемы безопасности. 2013. № 3. С. 2–3.

3. Виноградов М.В. Терроризм: психологический портрет / М.В. Виноградов // Терроризм. Правовые аспекты борьбы: Нормативные и международные правовые акты с комментариями. М., 2005. 239 с.

4. Воронцова Е.Г. Формирование психологической культуры как способ профилактики экстремизма и терроризма в ВУЗе / Е.Г. Воронцова // Сборник научных трудов Ангарского государственного технического университета. 2017. № 1. С. 243–248.

5. Голядин Н.П. Мотивации вербовки в экстремистские и террористические организации / Н.П. Голядин, А.В. Горячев // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2013. № 2 (20). С. 37–40.

6. Горбунов К.Г. Некоторые социально-психологические аспекты противодействия терроризму / К.Г. Горбунов //

Вестник Омского университета. Серия: Право. 2009. № 4 (21). С. 213-221.

7. Игошин О.С. Интернет как площадка для вербовки пособников террористическими организациями / О.С. Игошин // Отечественная юриспруденция. 2016. № II (13). С. 13-15.

8. Кострубяк Н.Д. Психолого-правовая характеристика терроризма и его структура / Н.Д. Кострубяк // Мир науки. 2016. № I. С. 34.

9. Кошкин А.П. Военно-патриотическое воспитание молодёжи в условиях активного рекрутирования студентов в террористические организации / А.П. Кошкин // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2016. № 3 (87). С. 20-26.

10. Кужабаева Г.Т. Теологическое просвещение как один из аспектов противодействия терроризму в Республике Казахстан / Г.Т. Кужабаева // Костанайская академия МВД Республики Казахстан. 2015. № I. С. 84-87.

11. Мельников В.М. Современные социально-психологические тенденции и проблемы противодействия терроризму и экстремизму / В.М. Мельников // Бурятский государственный университет. 2015. № 2-2. С. 260-266.

12. Нефедова Н.В. Механизмы вербовки в экстремистские организации религиозной направленности / Н.В. Нефедова // Учёные записки крымского инженерно-педагогического университета. Серия: педагогика. Психология. 2017. № 2. С. 122-125.

13. Силантьев Р.А. К проблеме вербовочной деятельности террористических и экстремистских организаций в местах лишения свободы / Р.А. Силантьев, В.В. Носков, А.В. Саввин // Человек: преступление и наказание. 2017. № I. С. 113-117.

14. Соснин В.А. Современный терроризм и проблема вербовки людей в террористические сети: психологические аспекты / В.А. Соснин // Прикладная юридическая психология. 2015. № 4. С. 20-28.

15. Боднар Э.Л. Психология терроризма: [учеб.-метод. пособие] / Боднар Э.Л. Екатеринбург: изд-во Уральского университета, 2013. С. 21-23.

16. Европол: отчёт о терроризме за 2017 год. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.europol.europa.eu/newsroom/news/2017-eu-terrorism-report-142-failed-foiled-and-completed-attacks-1002-arrests-and-142-victims-died> (дата обращения: 30.09.2018).

17. Иванов В.В. Радикальный ислам среди русских Поволжья и его последствия / В.В. Иванов // Российский институт стратегических исследований. [Электронный ресурс]. URL: <http://riss.ru/analitics/4701/#.UuUTvNLHnU> (дата обращения: 06.10.2018).

18. Сулейманов Р.Р. Русские мусульмане в постсоветской России / Р.Р. Сулейманов // Агентство политических новостей. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.apn.ru/publications/article27336.htm> (дата обращения: 06.10.2018).

19. The use of the Internet for terrorist purposes. [Electronic resource]: New York: United Nations, 2012. P. 4. URL: http://www.unodc.org/documents/frontpage/Use_of_Internet_for_Terrorist_Purposes.pdf/ (date of access: 05.10.2018).

20. Ways Terrorists Use The Internet For Recruitment. [Electronic resource]: BuzzFeed. URL: https://www.buzzfeed.com/andrewkaczynski/8-ways-terrorists-use-the-internet-forrecruitment?utm_term=.ipkBkIA5Y#.pfBLmZqgz/ (date of access: 05.10.2018).

Деятельность Регионального общественного движения «Интернет без угроз» отмечена Общественной палатой Ростовской области

Правительство Ростовской области, Общественная палата Ростовской области, Ассоциация общественных советов органов исполнительной власти, местного самоуправления подвели итоги шестого конкурса «Общественное признание» в номинации «Гражданский диалог» Донского региона».

Проект, представленный региональным общественным

движением «Интернет без угроз» «Информационно-просветительская работа по профилактике противоправных и радикальных явлений в молодёжной среде Ростовской области» (руководитель проекта – Сергей Чурилов, исполнительный директор Координационного совета движения) стал лауреатом конкурса и награждён Памятным знаком.

С Новым годом!

Каждый Новый год, который приходит к нам вместе с боем кремлёвских курантов, под звуки праздничного салюта, откупоренных бутылок шампанского и стреляющих хлопушек, в сверкании бенгальских огней и мерцании ёлочной мишуры, - это как очередное путешествие в неведомое, в которое отправляемся мы с родными, близкими, коллегами и друзьями за новыми впечатлениями, открытиями, встречами и знакомствами.

Каждый час, день, месяц грядущего года обещает неожиданные сюрпризы и тщательно планируемые результаты, сулит незабываемые события и невероятные превращения... Будем же верить в чудеса, а главное - создать их, не надеясь только на чудо. И тогда каждый из более чем трёх с половиной сотен дней, которые предстоит нам прожить, станет незабываемым и прекрасным путешествием во времени. А каждый его миг будет счастливым, успешным, несущим только гармонию, радость сопричастности к жизнетворчеству и положительные эмоции. Во всяком случае, мы вам этого искренне желаем!

С уважением, главный редактор.

С 2019 годом!

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Организация подготовки к лицензированию предприятий, учреждений и организаций на осуществление работ, связанных с использованием сведений, составляющих государственную тайну

Аттестация автоматизированных систем и выделенных помещений на соответствие требованиям безопасности информации

Проектирование и внедрение систем защиты информации, обрабатываемой в информационных системах ПДн, ГИС и информационных (автоматизированных) системах, используемых для обработки иной конфиденциальной информации

Защита персональных данных в соответствии с требованиями Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ

Подключение к государственным информационным системам: ЕГИСМ, ФИС ЕГЭ, ФИС ФРДО, ГИС «Контингент» и др.

Реализация программ дополнительного профессионального образования в области информационной безопасности

Тел.: +7(863) 201-28-15
+7(863) 201-28-16
+7(495) 705-93-21

344010, г. Ростов-на-Дону
ул. Города Волос, 6, а/я 488
e-mail: oaoi@niisva.org

НЦЦТИ

ОБЗОР.НЦЦТИ
СБОРНИК ИНФОРМАЦИОННЫХ
МАТЕРИАЛОВ

Национальный центр информационного противодействия терроризму и экстремизму в образовательной среде и сети Интернет
